

Ю.В. БОРИСОВ

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА МАРКИЗЫ ПОМПАДУР

ПРЕДСКАЗАНИЕ ГАДАЛКИ

Многочисленные и разноязыкие биографы Жанны-Антуанетты Пуассон, вошедшей в историю под именем маркизы де Помпадур (1721–1764), единодушны в своем признании ее буржуазного происхождения, презираемого французской аристократией. "Эта особа, столь привлекательная, обладающая столькими талантами и совершенствами, имела лишь один недостаток – свое рождение", – пишут Гонкуры¹. В действительности Жанна-Антуанетта родилась не в буржуазной, а в пролетарской семье. Ее отец был ткачом. Получив подряд на поставки зерна в голодные годы, он разбогател и в 1726 г. купил отель в Париже, на углу улиц Сен-Марк и Ришелье. Поселиться в новом доме семья не успела. Кардинал Флери, придя к власти, провел проверку хлебных поставок, и тут выяснилось, что Пуассон должен казне огромную сумму – 232430 ливров. Проворовавшийся Пуассон, который был служащим у банкира Пари и снабжал армию фуражом и продовольствием, был осужден, но сумел бежать – сначала в Дюнкерк, затем в Англию, потом в Америку. Все имущество семьи конфисковали. Деньги от его продажи поступили в королевскую казну.

Через много лет, вернувшись во Францию, папаша Пуассон с помощью дочери был реабилитирован, получил дворянство и даже сумел выплатить 400 тыс. ливров долгов. Перечень даров любящей дочери – к тому времени королевской фаворитки – этим не заканчивается. Благодарный отец получил еще 200 тыс. ливров на приобретение маркизаната Мариньи. Прожив бурную жизнь, Пуассон завершил ее в 1754 г. в возрасте 70 лет.

Детство Жанны было тяжелым: родители постоянно ссорились, отец оскорблял и бил мать. Однако у девочки нашлись богатые покровители – "друзья дома" торговец Ленорман и банкир Пари. Оба относились к ней с заботой и нежностью, не жалели денег на ее воспитание. Несколько лет Жанна провела в монастыре урселинок.

Жанне было 20 лет, когда ее выдали замуж за племянника Ленормана Норманна д'Этиоля. Венчание состоялось в Париже. Супруг был неказист – маленького роста, худой, бледный флегматик с "печальным характером", – но брак с ним принес Жанне дворянство, земли, поместье, замок.

Социальный статус семьи Этиолей предполагал открытость, светскость, чему в немалой степени способствовали и артистические таланты красавицы хозяйки. У Этиолей бывали Вольтер, Монтескье, Фонтенель и другие выдающиеся люди эпохи. Со многими из них Жанна сохраняла дружеские связи на протяжении всей жизни. Вместе с тем общение с политиками, писателями, учеными, художниками сыграло большую роль в образовании и развитии личности молодой женщины, мечтавшей о судьбе королевской фаворитки.

Существует легенда, получившая широкое распространение в научной и околонатурной литературе, что, когда Жанне было девять лет, знаменитая в то время в Париже

Борисов Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки России, академик Международной академии информатизации при ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посланник РФ.

¹ *Goncour's E. et J. Madame de Pompadour. Paris, 1888, p. 11.*

гадалка Лебон нагадала ей, что она будет любовницей короля. Мать Жанны и ее покровители – люди доверчивые и суеверные – восприняли предсказание как предначертание свыше, своего рода программу воспитания девочки. Денег на это, рассчитывая на будущие сокровища короля, семья не жалела. Лучшие специалисты своего дела учили Жанну литературе, музыке, рисованию, пению, танцам, декламации, и она добилась немалых успехов. Это была девушка образованная, воспитанная, музыкальная, утонченная.

8 декабря 1744 г. скончалась очередная любовница Людовика XV, гроза двора, надменная и властная герцогиня Шатеру. Освободилось место некоронованной королевы Франции. Как только стало известно о смерти герцогини, Жанна, ее мать и их покровители разработали план атаки на короля. Жанна, несомненно, была очень привлекательной. В Париже, в Лувре, ее триумфально пышный портрет кисти Кантена де Ля Тур дополняет другой, скромный, с женственным образом пастушки, написанный художником Ван Лоо. Портреты разные, но на обоих изображена красивая, стройная шатенка с ослепительно белой кожей, чьи большие, мечтательные глаза отражают внутренний мир женщины, привыкшей думать и действовать.

План атаки на Людовика XV был тщательно продуман на семейном совете. Прежде всего следовало познакомиться с монархом и очаровать его. Наряды Жанны отвечали теперь самому изысканному вкусу. Она заказала ярко-голубой костюм для верховой езды и шляпу а-ля Генрих IV, увенчанную голубыми и черными перьями. Жанна назвала свой костюм "смешным нарядом артистки". На фоне голубого экипажа авантюристка выглядела очень эффектно.

Обстоятельства благоприятствовали успеху операции. Король часто охотился в Сенарском лесу, в окрестностях замка, принадлежавшего Норманну д'Этиолю. И вот, во время очередной монаршей забавы перед изумленными глазами его величества несколько раз пронеслась карета, в которой восседала молодая красавица в дерзкой позе и вызывающе смелом наряде. Яркое видение запечатлелось в памяти "охотника".

Вскоре, в феврале 1745 г., на балу в Парижской мэрии состоялось знакомство. Жанна напомнила королю о загадочной даме в карете, которую он видел на охоте, и в ответ получила долгожданное приглашение в Версальский дворец. Итак, предсказание гадалки сбылось.

Однако уже после нескольких свиданий Людовик начал терять интерес к новой фаворитке. Почувствовав опасность, она немедленно "приняла меры": без приглашения явилась в Версаль, вся в слезах бросилась к ногам "обожаемого повелителя", без конца повторяя, что она пропала: муж знает все и грозит убить неверную жену. Сцена была разыграна безукоризненно, артистически. Король попал в ловко расставленные сети. Он оставил молодую женщину в Версале, а вскоре последовали и королевские милости: Жанна получила поместье и титул маркизы де Помпадур.

"Вступление в должность" новоиспеченной маркизы состоялось 14 сентября 1745 г., когда она была представлена двору в качестве официальной фаворитки Людовика XV. А какова судьба обманутого супруга? Система обращения с несчастными рогоносцами была хорошо отработана при версальском дворе. Норманн получил высокооплачиваемую должность сначала в налоговом ведомстве, затем в почтовом. Одна длительная командировка следовала за другой, а однажды его просто долго не выпускали из города Авиньон, что на юге Франции. Потом предложили должность посла Франции в Турции. Несчастный супруг решительно отказался, и тогда ему пригрозили заключением в Бастилии, откуда узники редко выходили живыми. Угроза подействовала – супруг сдался. Вернувшись в Париж, д'Этиоль навсегда смирился с королевским произволом.

Очередная фаворитка вначале не привнесла ничего нового в жизнь пресыщенного двора Людовика XV. Но вскоре стало ясно, что маркиза де Помпадур – фаворитка "нового типа". Воспитанная не в аристократической, а в буржуазной среде, она знала цену людям и их поступкам, могла трезво оценить свои и чужие возможности, а также умело маневрировать, объединяя союзников и разделяя противников.

Возникает естественный вопрос: как случилось, что молодая провинциалка, не имеющая жизненного опыта, смогла почти 20 лет жить и властвовать при королевском дворе, принимать участие в рассмотрении и решении государственных дел? И это при том, что половину этого срока мадам д'Этиоль не имела с Людовиком XV интимных отношений, особенно тесно связывающих мужчину с женщиной. Кроме того, она была тяжело больна неизлечимой по тем временам болезнью.

На протяжении почти двух веков историки и политики разных стран, отвечая на этот вопрос, были единодушны, за немногими исключениями, в своих оценках: маркиза де Помпадур была беспринципной и вероломной авантюристкой, использовавшей любые средства для достижения своих целей. Но это не вся правда. Конечно, любой фаворит является авантюристом, так как ставит перед собой трудно достижимые цели, для него не существует моральных принципов и запретов. Без лжи, обмана, подкупа, нарушения обязательств к власти и богатству не прорваться.

Все эти универсальные особенности фаворитизма как международного явления, несомненно, были присущи и маркизе де Помпадур. Однако большинство ее биографов признают и ее артистические способности – музыкальные, танцевальные, живописные, талант модельера. Понятие "стиль Помпадур" вошло в историю европейской культуры XVIII в. Фаворитка обладала также развитым интеллектом, формировавшимся под влиянием таких выдающихся мыслителей, как Вольтер, Монтескье, и других деятелей французского Просвещения. Переписка Жанны свидетельствует о ее начитанности, разносторонней образованности.

Сфера, где маркиза де Помпадур не имела себе равных при французском дворе, – женская дипломатия. Женщины, как правило, глубже и тоньше, чем мужчины, проникают в скрытые, глубинные мотивы отношений в обществе, в семье, в коллективе, в межличностном общении. Они лучше разбираются в причинах конфликтов интересов, в механизмах борьбы за влияние, власть, богатство, умело учитывают психологические, эмоциональные, нравственные мотивы поведения людей, т.е. те субъективные факторы общественной, семейной и личной жизни, которыми нередко пренебрегают мужчины.

Для Франции классическим примером женского фаворитизма стала эпоха Людовика XIV, при котором статус любовницы монарха его личной волей был выведен за рамки закона и признан королевским двором. Луиза де Лавельер, Франсуаза де Монтеспан и особенно Франсуаза д'Обиньи (маркиза де Монтенон) обладали властью, как правило, скрытой, но разносторонней и немалой, хотя Людовик XIV со свойственным ему лицемерием категорически отрицал влияние фавориток на государственные дела. Он с пафосом трагикомического актера говорил придворным: "Я всем вам приказываю – если заметите, что женщина, кто бы она ни была, забирает власть надо мной и мною управляет, вы должны меня об этом предупредить. Мне понадобится не более 24 часов, чтобы от нее избавиться и дать вам удовлетворение"².

Разумеется, королевская немилость в отношении некоторых особо назойливых дам имела место при дворе, но она не затрагивала самой системы женского фаворитизма. Эту систему в наследство от короля-солнца и получил Людовик XV, открывший Жанне Помпадур широкий, почти неограниченный доступ к государственным делам.

Постепенно, шаг за шагом, используя верных ей людей, фаворитка брала под свой контроль вопросы войны и мира, дипломатии и переговоров, армии и флота, торговли и производства, религии и парламентаризма. Почти все, кто изучал жизнь и деятельность Помпадур, признают ее большое и всестороннее влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику Франции на протяжении почти двух десятилетий, хотя нередко расходятся в оценках результатов и последствий ее действий.

Главная особенность личности фаворитки состояла в том, что она, как мы уже говорили, вышла не из среды феодальной аристократии, а из среды буржуазии, активно

² Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 2002, с. 198.

утвердившейся в XVIII в. во французском обществе. Это обстоятельство, многое объясняющее в биографии Помпадур, тонко подметили Гонкуры, писавшие, что она как "дочь буржуазии царствовала и мечтала по образу и меркам буржуазии". Тем не менее ее буржуазные "образ и мерки" уже за несколько десятилетий до революции 1789 г. заслужили высочайшей оценки великого Вольтера, писавшего вскоре после смерти Помпадур, что она умерла "в расцвете самой блестящей карьеры в мире"³.

Мнение Вольтера разделяют многие ученые, писатели, дипломаты. По словам историка Ж.-Л. Сулави, Помпадур "была королем Франции. Людовик XV являлся лишь обладателем и хранителем короны"⁴. Другой автор, Е. Компардон считает, "что, освободившись от всех, кто ей мешал, мадам Помпадур действительно царствовала во Франции...все склонялось перед маркизой: этикет двора и законы королевства"⁵.

В книге, посвященной польскому королю Станиславу Лещинскому и его дочери Марии, маркиза де Рео пишет: "Никто не сопротивлялся Помпадур. Ее власть была абсолютной. Она царствовала одна. Людовик XV не хотел ничего другого, кроме как уйти в тень. Она вмешивалась во все"⁶. Наконец, сошлемся на высказывание дипломата, прусского посланника в Версале Шамбрие, писавшего Фридриху II в январе 1751 г.: "Маркиза Помпадур – всемогущая в вопросах предоставления милостей и благодеяний – денег, должностей, как военных, так придворных и судейских, – в общем во всем, что касается внутренних дел государства"⁷.

Приведенные выше мнения принадлежат авторам, непосредственно не связанным со средой обитания Жанны-Антуанетты, но существуют и другие материалы, представляющие особый интерес, – это свидетельства участников событий: государственных деятелей, дипломатов, военных, торговцев и промышленников. Среди них выделяются записки военного министра д'Аржансона, непримиримого противника Помпадур, установившего за ней наблюдение.

В мае 1747 г. он писал, что "маркиза Помпадур все более и более управляет делами и, что особенно важно, финансами короля"⁸. В декабре 1747 г. министр замечал, что "король любит свою любовницу все больше и больше, он потерял голову, как никогда"⁹. Помпадур, по мнению д'Аржансона, играла роль премьер-министра, "роль полтора кардиналов Флери". В январе 1756 г. он, словно подводя итоги своим наблюдениям, писал: "Меня убедили, что маркиза все более и более становится премьер-министром Франции и король следует ошибочным и противоречивым советам этой женщины. Фаворитка не очень умна, но Людовик XV в силу своей застенчивости, недостатка проницательности и хитрости оказывается намного ниже нее. Вот почему, делая свои предложения, она имеет преимущество души сильной над душой слабой"¹⁰.

К преимуществам этой "сильной души", по мнению Гонкуров, относились "абсолютная сухость, полное и постоянное самообладание, совершенное владение первыми порывами и инстинктами, стремлениями...крайний эгоизм"¹¹. Принято считать, что крайний эгоизм груб и агрессивен, но Жанна-Антуанетта умела прикрывать свои эгоистические цели завесой начитанности и доброжелательности. "Фаворитка любила блестящие умы, сама не претендуя на подобную славу. На ее туалетном столике между бриллиантами и пуховками лежали романы и однодневные, современные пьесы, и она превосходно умела о них судить. Не выходя из-за карточного стола, она переходила

³ Цит. по: *Бельмонт Л.* Маркиза Помпадур – фаворитка короля. М., 1994, с. 255.

⁴ *Mémoires sur Madame de Pompadour* (par Soulavie). Paris, 1906, p. 148.

⁵ *Compardon E.* Madame de Pompadour et la cour Louis de XV au milieu XVIII siècle. Paris, 1867, p. 194.

⁶ *Le roi Stanislas et Marie Leszinska par la marquise des Reaulx.* Paris, 1895, p. 351.

⁷ *Ludovic M.* Préstigieuse marquise de Pompadour. Paris, 1972, p. 119.

⁸ *La France au milieu du XVIII siècle (1747–1757) d'après le journal du marquis d'Argenson* (далее – *Le journal*). Paris, 1898, p. 95, 149.

⁹ *Ibid.*, p. 14.

¹⁰ *Ibid.*, p. 359.

¹¹ *Goncours E. et J.* Op. cit., p. 318.

ла на беседу с академиком или ученым; и все признавали, что одна лишь утонченность чувств раскрывала ей в этих трудах красоты или недостатки, порой ускользавшие от их просвещенности", – эти слова принадлежат герцогу де Кастри, критически относившемуся к Помпадур и, тем не менее, считавшему, что "в ней жил дух величия Франции"¹².

Таким образом, Жанна-Антуанетта обладала многими необходимыми качествами государственного деятеля – умом, волей, образованием, начитанностью, искусством управлять людьми, – и она стала некоронованной правительницей Франции. Оценивая масштабы своего могущества, она писала, что "достигла той же власти, что и мадам Ментенон (фактическая жена Людовика XIV. – Ю.Б.). Я назначала министров и генералов, я принимала послов, я переписывалась с иностранными державами, наконец, если говорить прямо, я царствовала под именем короля. Все знали это как в Париже, так и в Версале"¹³.

Эти слова соответствуют истине. Влияние Помпадур распространялось на королевский Совет, министров, генералитет, парламент, на решение вопросов войны и мира. Но фаворитка умолчала о том, что в отличие от своей предшественницы она фактически распоряжалась и королевской казной.

Потомственные аристократы – принцы, герцоги, графы – ненавидели эту "простолюдинку", снисходительно похлопывавшую их по плечу, однако молчали. Бывали и исключения, но за это приходилось дорого расплачиваться, ведь власть находилась в ее руках и она пользовалась доверием короля.

Помпадур была сказочно богата. "Я обладала прекрасными дворцами, – пишет она, – землями, лошадьми, званиями, возможно, самыми красивыми в Европе драгоценностями, но счастлива была только в то время, когда платье на мне являлось всем моим состоянием"¹⁴. Странное признание для женщины, добившейся осуществления своей мечты и фактически управлявшей одной из самых больших и богатых стран Европы! Но этому есть объяснение. Все годы пребывания в Версале Жанна страдала от неизлечимой болезни, которая приводила к депрессии, к духовным кризисам, и тогда из-под ее пера выходили полные горечи и отчаяния строки, адресованные близким людям.

Она писала герцогине Ноай: "Я совершила безумие, оказавшись при дворе. Пышность, величие, удовольствия этого волшебного места меня больше не чаруют. С очарованием покончено. В моем сердце я не нахожу больше ничего, кроме пустоты, которую ничем не могу заполнить"¹⁵. Или жаловалась в письме герцогине Дюра: "Я не могу даже сказать, какой была моя жизнь. Обладая всем, чего только могла пожелать, я не считала себя счастливой среди интриг при дворе и в армии, лести, которой меня осыпали, насмешек, публиковавшихся обо мне, почестей, удовольствий, праздников, зависти и ревности"¹⁶. И вот итог, подведенный самой Помпадур: "Моя жизнь – битва".

Ведя эту битву, маркиза заботилась о своем месте в истории. Она хотела, чтобы ее имя было связано с победами, с завоеваниями стран и городов, с величием французской монархии. А ее обвиняли в поражениях французских войск. В глазах общественного мнения Франции она была виновата во всем: в пожарах на побережье Ламанша, в неудачах французов в Индии и Америке, в истощении национальных финансов, в потерях торгового флота. При ней Франция была озлоблена даже больше, чем на закате власти Людовика XIV. Ненависть к Помпадур была всеобщей. Ее осуждали за любовную связь с королем, негодовали по поводу фантастических расходов за государствен-

¹² *Герцог де Кастри*. Маркиза де Помпадур. М., 1998, с. 119.

¹³ *Mémoires de madame la marquise de Pompadour* (далее – *Mémoires*), t. 1–2. Paris, 1830; t. 1, p. 262.

¹⁴ *Ibid.*, t. 2, p. 369.

¹⁵ *Ibid.*, p. 375.

¹⁶ *Ibid.*, p. 382, 383.

ный счет, возмущались вмешательством в политику, обвиняли в военных поражениях Франции. Маркиза боялась ездить в Париж без сопровождения жандармов. Однажды она сказала, что неблагодарных парижан следовало бы повесить.

Отношение общества к фаворитке отразилось и на его отношении к королю. Людовик XV редко, только в случае необходимости появлялся в Париже, и народ не приветствовал его на улицах города, как это бывало прежде. Кортёж двигался в тишине среди явного недовольства парижан. Когда его величество из Версаля направлялся в Компьен, он старательно объезжал собственную столицу.

ПОМПАДУРИЗМ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

"Мадам Помпадур в общественном сознании скорее легендарный, чем исторический тип"¹⁷, – эти слова одного из близких фаворитке людей, аббата Берни, впоследствии ставшего кардиналом, точно определяют ее место в истории. Разумеется, Жанна-Антуанетта – личность историческая, ее имя связано со многими событиями перво-степенной государственной важности. Однако грядущие поколения, и не только во Франции, получили в наследство легенду о маркизе Помпадур, фактической правительнице одной из крупнейших европейских стран, создавшей негласную и неформальную систему управления, которую можно назвать помпадуризмом.

О мадам Помпадур я впервые узнал в далекой юности, когда на письменном столе отца увидел книгу "Помпадуры и помпадурши". Много лет спустя я прочел это произведение великого русского писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина, в котором он раскрыл международное значение, в особенности для царской России, французского помпадуризма, неофициальной системы управления страной целой армией помпадуристов и помпадурш, чиновников – самодуров и казнокрадов, от министров и губернаторов до провинциальных клерков.

Такая система, по мнению Щедрина, – основа "порядка вещей", который создали российские монархи. Помпадуристов режима Николая I, "недостаточно глянцевиных", сменили помпадуры эпохи Александра II, "более щегольской работы". И взгляды помпадуры имели разные. Так, персонажи Щедрина Феденька Кротиков, помпадур города Навозного, был реакционером, а Митенька Козелков – либералом. Характеристика российского помпадуризма дается писателем-сатириком в виде мнения о помпадурах "знатных иностранцев": "Каждый из здешних городов имеет своего главного помпадура, которому подчинено несколько второстепенных помпадуристов, у которых, в свою очередь, состоит под начальством бесчисленное множество помпадуристов третьестепенных, а сии последние уже имеют в своем непосредственном заведывании массу обывателей или чернь". С невежеством и "легкомысленной страстью к разрушению помпадуры в значительной мере соединяют и сластолюбие". Особенно хороши "невежественные помпадуры. При них обыватель с доверием смотрит в глаза завтрашнему дню". Помпадуристы стремятся обеспечить доверие обывателя, но это своего рода частность, "подробность" его деятельности. Цель – "высший надзор за обществом, а не подробности", и "главное побуждение, руководящее помпадурскими действиями, составляет чрезмерная ревность к охранению присвоенных помпадурам прав и преимуществ (прерогатив)"¹⁸.

В этих словах с безупречной точностью раскрыта социальная сущность помпадуризма. Помпадуры и помпадурши во Франции и в России были едины в своем ненасытном стремлении к богатству, власти, бесчисленным привилегиям. Но это единство не только не отменяет, а наоборот, подчеркивает национальные особенности пути к власти, пройденного маркизой Помпадур. Она не была теоретиком и не оставила какой-либо концепции дипломатической или иной деятельности, однако ее замечания,

¹⁷ Mémoires, lettres de carlinat de Bernis (1715–1758), t. 1. Paris, 1878, p. XXXI.

¹⁸ См. Щедрин Н. (Салтыков-Щедрин М.Е.). Собр. соч., т. 1. М., 1951, с. 168, 174, 233, 236, 238, 433, 440.

высказывания, письма и конкретные действия дают основание считать, что фаворитка имела свою стратегию и тактику.

Первостепенная стратегическая задача Помпадур состояла в том, чтобы завоевать полное и устойчивое доверие Людовика XV, получить от него неформальные, но широкие полномочия и использовать их для доступа к власти и богатству. Решение этой задачи было делом, требующим особого дипломатического искусства. В соответствии с женской дипломатией 24-летняя фаворитка действовала неторопливо, осторожно, всегда сообразуясь с реальной обстановкой, умело используя в своих интересах влиятельных людей из королевского окружения. "Первая моя забота при дворе состояла в том, чтобы изучить характер королевской семьи", – писала Помпадур. Начинать надо было с Людовика XV, с приспособления к его взглядам, привычкам, манере поведения, политическим ориентациям.

Людовика XV воспитывал кардинал Флери, который имел абсолютную власть над умом и душой молодого человека. Эта долгая духовная опека была основана на добровольном и полном взаимном доверии. Юноша получил религиозное воспитание с традиционными понятиями: ад и рай, дьявол и вера, жизнь и смерть, но не обладал необходимыми знаниями по литературе, истории, праву, естественным наукам. Уже в детстве его больше всего интересовала охота.

По природе молчаливый и необщительный, Людовик XV с трудом допускал в свое окружение новых людей, часто не находил в беседах нужных слов и либо молчал, либо ограничивался несколькими банальными фразами. С детства Людовику внушали, что в окружающем мире все должно служить ему: это и преклонение перед его славой, и обожание толпы, и доступность женщин. Себя он считал наместником Бога, который поручил ему править страной.

В свое время его прадед Людовик XIV сформулировал принципы королевской власти: 1. Если король вынужден вести войну, он сам должен встать во главе своих войск; 2. Никогда не следует покидать дело ради удовольствия; 3. Какой бы опыт ни имел глава государства, он должен всегда выслушать все мнения и затем уже принимать решения; 4. Не давать никому управлять, быть хозяином. Никогда не иметь ни фаворита, ни премьер-министра. Консультироваться с Советом, но решать самому.

Следовал ли этим принципам короля-солнца его правнук? В известной мере. Людовик XV умел слушать, но часто не использовал власть короля при принятии окончательного решения и соглашался с оппонентами, особенно если это были влиятельные при дворе и в армии люди. Однако бывали случаи, когда бессилие короля принимало трагикомические формы. Вот, например, что он писал в одном из писем: "Воров в моем доме множество, но избавиться от них невозможно. Слишком много людей, главным образом влиятельных, в этом заинтересованы, чтобы льстить себя надеждой добиться цели. Все мои министры выдвигали проекты наведения порядка, но отказывались от них, пугаясь трудностей их осуществления. Кардинал Флери обладал могуществом, так как он был хозяином Франции. Но и он умер, не решившись осуществить ни одну из своих идей в этой области. Итак, успокойтесь и позвольте существовать неизлечимому пороку"¹⁹.

Ученые и политики по-разному оценивают государственную деятельность Людовика XV, его роль в истории. У большинства авторов преобладают негативные оценки. Прусский король Фридрих II пишет о нем со злобной иронией: "Этот принц был добрым, но слабым. Он имел только один недостаток: он был королем. Французская нация, ненасытная в отношении новшеств, безжалостно порвала с его памятью"²⁰.

Историк А. Жобес раскрывает взаимосвязь между аморальностью короля и его социальной политикой: "Это верно, что он проводил свою жизнь, занимаясь лишь охотой и развратом; он только растрачивал в пользу своего окружения деньги, трудолю-

¹⁹ *Richard P. La vie privée de Louis XV. Paris, 1954, p. 206, 207.*

²⁰ *Mémoires de Frédéric II, roi de Prusse, t. 2. Paris, 1866, p. 382.*

биво заработанные народом. Но, кроме того, у него в руках был ключ от всех камер, где стонали невинные жертвы; он держал в изгнании и нищете толпу людей, ни одна ошибка которых не делала их подсудными. Это странное незнание Людовиком XV его ответственности и его обязанностей показывает опасности, которым подвергаются нации под властью одного человека". Аморальность Людовика XV отмечает и известный историк М. Бутарик, вице-директор государственных архивов, по мнению которого "Людовика XV строго осудили. Но бесчестили его скорее как человека, чем короля. Обращали внимание на его безнравственность, на пагубный пример, который он подавал. Не старались выяснить, было ли правительство столь же виновным и столь же нерадивым, каким оно казалось на первый взгляд"²¹. Историк А. Каре писал, что Людовик XV был, "несомненно, плохим королем, но не лишенным разума и иногда даже энергии". По его словам, король "вовсе не являлся героем, но и не всегда был подлецом"²².

Что касается современников, то один из хорошо информированных французских дипломатов эпохи Людовика XV замечал, что король в своем собственном дворе имел меньше власти, чем королевский прокурор в Шатле. Король "в силу своей невероятной слабости неизменно позволял своим неверным слугам брать верх над своими тайными верными слугами; он всегда делал больше хорошего своим открытым врагам, чем своим настоящим друзьям"²³.

Жанна-Антуанетта довольно быстро разобралась в особенностях ума, характера, образования и поведения своего повелителя. "Неземная, вечная любовь" к королю – главная и бессменная тема всех ее высказываний. Но вместе с тем ее замечания, комментарии, осторожные оценки взглядов короля и его действий, разбросанные по многочисленным источникам, свидетельствуют о том, что маркиза знала характер его величества лучше, чем он сам. Считая короля "рабом привычки", человеком замкнутым, одиноким, нерешительным, безвольным, меланхолическим, с "печальным темпераментом" и "душой, всегда погруженной в темную ночь", Помпадур пришла к выводу, что Людовику нужны развлечения.

Молодая женщина изменила весь образ жизни короля. Он и она не расставались в течение всего дня. Встречи с министрами стали проходить в апартаментах Помпадур. Она присутствовала при обсуждении вопросов внутренней и внешней политики страны. Но, главное, перед Людовиком открылась совершенно новая сфера развлечений – сфера искусства, о которой он имел самое отдаленное представление. Режиссером и ведущей актрисой была сама Помпадур: она пела, танцевала, рисовала, создавала эскизы декораций и костюмов. Она говорила о короле: "Я привила ему вкус к музыке, танцу, к комедии и опере, когда я сама пела и играла"²⁴.

Одним из постоянных развлечений монарха стали театральные представления. В Версале, в "Театре малых кабинетов" появились оркестр, состоявший из музыкантов – профессионалов и любителей, танцевальная группа и хор. Король сам приглашал зрителей, и его выбор рассматривался при дворе как особая милость монарха. В 1747 г. после трехмесячных репетиций состоялось первое представление мольеровского "Тартюфа". В том же году в театре побывала королева. Ее визит был результатом своего рода супружеской сделки – за посещение театра фаворитки королева получила для своего старого друга графа де Мот жезл маршала Франции.

Хотя в зрительном зале было всего 14 мест, содержание театра стоило дорого. Его закрыли и представления перенесли из Версаля в новый дворец Помпадур в Бельвю, построенный в 1748–1750 гг., где и состоялись четыре театральных сезона. Построили

²¹ *Boutaric M.E.* Correspondence secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère, t. 1–2. Paris, 1886; t. 2, p. 1, 2.

²² *Carre H.* La France sous Louis XV. Paris, 1891, p. 2.

²³ *Boutaric M.E.* Op. cit., t. 2, p. 435.

²⁴ *Mémoires*, t. 2, p. 198.

новый большой театр и в Версале, но от его использования из-за непомерных расходов тоже пришлось отказаться.

Дипломатия фаворитки – поклонение Людовику как божеству, лесть, слезы и истеричные сцены – увенчалась полным успехом. Жанна-Антуанетта добилась доверия короля и стала неотъемлемой частью его нового образа жизни. "Она обладала исключительной способностью, терпением и разумом, – отмечают Гонкуры, – для того, чтобы если не в полной мере развлечь короля, то ласкать его, смягчать и развлекать, облегчать его беды"²⁵. С ней Людовик не испытывал ни застенчивости, ни тревоги. Он верил фаворитке, которая, казалось, живет только его интересами и заботами, и Помпадур получала все большую власть над монархом и над королевством. Любовница стала деловой женщиной – правительницей. В ее будуаре, можно сказать, размещался совет министров. Церемония пробуждения использовалась для аудиенций. Люди, толпившиеся у Помпадур, получали высокие назначения, в том числе министерские, генеральские, посольские должности, для занятия которыми часто не имели ни способностей, ни знаний. Ее влияние распространялось на государственный аппарат, армию и флот, на парламент.

Покровительство Людовика XV определяло привилегированное положение фаворитки при дворе в Версале, но не гарантировало ее от интриг королевской семьи. Лидером семейной оппозиции был дофин (он умер, не наследовав престола). Дофин ненавидел Помпадур. Для этого у него были не только политические, но и личные мотивы. Интересы наследника и фаворитки нередко сталкивались при дележе доходных должностей, земельных владений, дворянских и воинских званий. Например, когда в марте 1747 г. в полку дофина оказался вакантным пост командира и Помпадур хотела назначить своего человека, военный министр сообщил ей, что у дофина уже есть кандидатура. Она уступила, однако протезе наследника престола пришлось заплатить за полк необычно большую сумму – 80 тыс. ливров. А когда дофин захотел возглавить армию, Помпадур, усмотревшая в этом желание сына добиться популярности в ущерб отцу, сорвала замысел дофина, по ее словам, "старевшего и истощенного разумом в том возрасте, когда мужчины еще сохраняют силу".

Дофин и его сестры порицали отца, ругали фаворитку, оскорбляли ее. Сидя рядом с ней во время охоты в одном экипаже, они хранили ледяное молчание. Сдержанную в отношении маркизы позицию, как это ни парадоксально, занимала лишь униженная и оскорбленная королева, Мария Лещинская, единственная дочь свергнутого с трона польского короля Станислава.

После изгнания из Польши Мария испытала все беды и превратности судьбы. В начале 1719 г. Лещинские поселились в скромном доме в Эльзасе. Имущество их было конфисковано, драгоценности заложены. Из Польши помощи не поступало – родственники изгнанников о них забыли. Деньги от французского короля они получали нерегулярно, приходилось без конца напоминать о них министрам в Версале. Переговоры о бракосочетании Марии с Людовиком XV шли два с половиной года. Ради нее французы расторгли согласованный брак с испанской инфантой, которая уже три года жила во Франции, но была слишком молода для замужества. Инфанту вернули в Мадрид. Испанцы чувствовали себя оскорбленными. Скандал дошел до разрыва союза Франции и Испании.

Брак Людовика XV оказался удачным, хотя Мария была на семь лет старше мужа. Она родила ему десять детей. Сын и две дочери умерли. Королева вряд ли была счастлива. Она постоянно испытывала денежные трудности. Король, тративший миллионы на фаворитку, неохотно и редко финансировал жену. Когда у нее оставалось "последнее су", она обращалась к сыну и дочерям, но, увы, не всегда получала от них помощь. Фаворитку королева считала умной, осторожной, способной к компромиссам интри-

²⁵ *Goncourt E. et J. Op. cit., p. 40.*

ганкой, с которой можно договориться. Она часто повторяла, что если уж у короля имеется любовница, то любой другой она предпочитает мадам Помпадур.

Жанна-Антуанетта, отлично разбиравшаяся в запутанных отношениях при дворе и в королевской семье, тоже не испытывала к королеве враждебных чувств и рассчитывала на ее лояльность. "Я всегда проявляла к королеве самое глубокое уважение, – писала она, – но королева никогда не могла мне простить мои отношения с королем". И далее: "Это была добрейшая польская душа, возможно, немного буржуазная"²⁶. Любопытное замечание. Фаворитка, вышедшая из буржуазии, критически оценивает собственную среду!

К началу 50-х годов Помпадур прочно закрепила свое положение при версальском дворе и определила отношения с королевской семьей. Придворная аристократия вынуждена была мириться с тем, что безродная Жанна Пуассон стала маркизой (1745 г.), герцогиней (1752 г.) и придворной дамой (1756 г.). Королевская семья негодовала и злословила, но фактически взяла фаворитку под свою защиту, открыла ей доступ к государственным делам и государственной казне. Жанна-Антуанетта решила утвердить свое влияние в Совете короля и в правительстве, среди министров. До сих пор ни одна из королевских фавориток подобных амбициозных задач перед собой не ставила, а если и ставила, то не сумела добиться таких огромных успехов, как маркиза де Помпадур.

Главным органом законодательной, исполнительной и судебной власти монархического режима во Франции был королевский, или государственный, Совет, руководивший всей административной системой страны. Премьер-министра не было. В Совете заседали министры: канцлер, генеральный контролер и четыре госсекретаря – иностранных дел, военных дел, флота, дома короля. Все они, как правило, были разобщены и противоречивы в своих суждениях. Военный министр д'Аржансон писал в 1749 г.: "Никогда министры не были так разделены, как в настоящее время. Каждый в равной мере хозяин у себя. Каждый, кто работает с королем, в равной мере министр, и без малейшей субординации одного в отношении другого. Если они договариваются, то это случайность, и никогда суверен их не примиряет. Самый маленький департамент так же независим в своем районе, как и самый большой"²⁷.

Понимание с министрами, избалованными слабостью и безволием короля, Помпадур найти было нелегко. Каждый из них имел свои особенности, которые нужно было учитывать. Министр Морепа, хорошо информированный политик, все видел, все читал, все знал и всем пренебрегал. Такова оценка известного историка П. де Нолака. Военный министр граф д'Аржансон, человек холодный, решительный, реалистически мыслящий, разделял взгляды королевской семьи. Королева полностью ему доверяла, никогда не забывая о том, что именно д'Аржансон первым при французском дворе заметил в Виссембурге скромную польскую аристократку Марию Лещинскую. Военный министр являлся для королевской семьи и важным источником информации. Его курьеры доставляли сведения о важнейших событиях на театрах боевых действий. Среди доверенных лиц королевы были и высшие иерархи католической церкви во Франции, например кардинал Тансен. Она поддерживала контакты с провинциальными епископами, приезжавшими в столицу по делам своих епархий.

В итоге гибких дипломатических отношений с министрами, используя различные средства влияния, фаворитка добилась нужного ей результата. "Трое из этих министров были в моем полном распоряжении, а другие не осмеливались мне противиться. Единственная оппозиция, с которой я встречалась, исходила от королевской семьи, особенно от дофина – святоши, которого возмущала привязанность его отца ко мне". Однако, замечала Помпадур, "я не могу упрекнуть себя в том, что возбуждала недо-

²⁶ Mémoires, t. 1, p. 428.

²⁷ Carré H. Op. cit, p. 68, 69.

вольство короля против дофина: антипатия Людовика XV к сыну существовала задолго до моего появления"²⁸.

Если выпады дофина Помпадур вынуждена была терпеть, то непокорных министров она усмиряла или отправляла в отставку. Но в ряде случаев это была позиционная война, например, с маршалом Ришелье, одержать победу в которой маркизе так и не удалось. Ришелье, человек влиятельный и смелый, был опасен для Помпадур. Он не скрывал своего негативного к ней отношения, а в своих "Мемуарах" писал: "Мадам Помпадур, фаворитка недостойная доброты короля, возводит в звания и должности людей без достоинств и талантов, тем самым загодя готовя дезорганизацию французского правительства и такой уровень развращенности двора, который неизвестен нашей истории. Именно со времени ее появления при дворе начинается полная деградация нравов прежнего правительства"²⁹.

Сам маршал не имел особых заслуг – ни военных (на полях сражений), ни дипломатических (на посту посла), ни научных (как член Французской академии). У Ришелье была репутация покорителя женских сердец. Его любовницы-аристократки заботились о служебном положении маршала. Конфликт с Помпадур начался с малого. Ришелье, патронировавший театр в Версале, решил, что все расходы должны оплачиваться только после его подписи. Помпадур взбунтовалась. Она обратилась с жалобой к королю, и бестактной инициативе Ришелье не дали хода. Однако на ее требование об отставке маршала Людовик XV иронически заметил: "Вы не знаете Ришелье. Если вы выгоните его в дверь, он вернется через камин". Злопамятный маршал впоследствии свел счеты с занимавшей во дворце "чужое место" "ничтожной буржуазкой", отклонив план женитьбы своего сына герцога Фронзака на дочери Помпадур от первого брака Александре д'Этиоль.

Вообще, с военными отношениями у маркизы налаживались трудно. Однажды король посоветовал маршалу д'Эстре посетить Помпадур. Д'Эстре сделал это в своеобразной форме. Явившись к маркизе, он заявил: "По приказу короля я пришел высказать вам мое почтение. Но я прекрасно знаю, какие чувства вы испытываете ко мне. Я не страшусь этих чувств, так как глубоко верю в справедливость короля – моего патрона"³⁰. Маршал произнес все это резким командным тоном и, не дожидаясь ответа, вышел. Фаворитка была оскорблена до глубины души.

Борьбу за власть над министрами Помпадур начала с самой сложной и взрывоопасной сферы государственного управления – финансовой. Богатство было целью ее жизни. Она хотела не только использовать опыт обогащения своих предшественниц, но и превзойти их. Поэтому, едва поселившись в Версале, Помпадур запросила мемуары летописцев двора Данжо и Сен-Симона и потребовала от короля, чтобы она пользовалась теми же преимуществами, что и ее предшественницы.

ЦЕЛИ ПОМПАДУРИЗМА – БОГАТСТВО И ВЛАСТЬ

В начале любовной связи Людовик XV установил фаворитке ренту в 60 тыс. ливров, но уже через несколько месяцев эта сумма возросла до 160 тыс. Так было положено начало фантастическому богатству маркизы де Помпадур. В 1751 г. оно уже исчислялось 130 млн. ливров. Провинциальная дворянка мадам д'Этиоль разбогатела невероятно, даже по меркам крупной буржуазии. Но и этого ей было мало. Она писала: "Я хотела иметь полную свободу заимствований в казне короля, чтобы вознаграждать новые таланты и оплачивать услуги моих друзей"³¹. Иными словами, фаворитка хотела получать деньги из казны свободно и неограниченно в любое время.

²⁸ Mémoires, t. 1, p. 405.

²⁹ Mémoires du marechal duc de Richelieu, v. XVIII. Paris, 1869, p. 161, 162.

³⁰ Mémoires sur Madame de Pompadour (par Soulavie), p. 128.

³¹ Mémoires, t. 1, p. 400.

Исторические предпосылки для неограниченной "финансовой свободы" имелись. Со времен Франциска I (1494–1547) государственная казна и королевская казна составляли одно целое. Король посылал за своей подписью требование денег. Цели расходов не указывались. "Чрезвычайные расходы" с 10 млн. ливров уже при Людовике XIV достигли 100 млн. При Людовике XV эта цифра еще возросла. А что касается Помпадур, то она к концу своего правления в Версале стоила Франции 36 924 140 ливров, т.е. 720 млн. франков по курсу 1983 г. Ни одна из королевских любовниц в истории Франции не имела такого количества дворцов, земельных владений, как Помпадур. Согласно описи расходов с 9 сентября 1755 г. по 15 апреля 1764 г. в разделе "Строения" числились: дворец в Кресси, дворец Оне, имение в Версале "Ла Сель", "Эрмитаж" (в парке Версаля), дворец Бельвю (между Севром и Медоном), отель в Версале, отель в Компьене, "Эрмитаж" в Фонтенбло, отель Эврё в Париже. Не жалела казенных денег фаворитка не только на дворцы, но и на себя лично. По данным архивов Версаля Помпадур истратила за 20 лет на безделушки 1,3 млн. ливров, на питание – 3,5 млн., на спектакли и праздники – 4 млн., на лошадей и экипажи – 3 млн., на прислугу – 1,2 млн. ливров. Персонал Помпадур насчитывал 57 человек. Среди них особое место занимал прокурор в Париже Коллен. Он пользовался полным доверием Помпадур, по ее просьбе продал свою должность и стал верным сотрудником маркизы.

Огромные казенные деньги были главным источником богатства Помпадур, но не единственным. Она активно торговала должностями и званиями. Толпа просителей поджидала Помпадур на лестнице, как ждут министра в его приемной. Она занималась раздачей званий, назначениями на высокие посты. За время ее пребывания в Версальском дворце ни один генерал не получил этого звания без ее участия. "Все открыто обращались к ней", – отмечает д'Аржансон³². Она продавала воинские части, командные должности, ордена, звания, пенсии. В период обновления штата сборщиков налогов Помпадур назначила 12 верных ей генеральных откупщиков и 200 их заместителей. Маркиза получала доходы и от торговых операций, например, от экспорта зерна.

В финансовом и торговом мире у нее были надежные представители – банкиры братья Пари, сыновья трактирщика – Антуан, Монтань, Дюверне, Монмартель, – которых она знала с детства. Используя свое влияние и власть, фаворитка позволяла банкирам чудовищно наживаться. Сама она лишь сдержанно отмечала "прозорливое администрирование моего друга Пари, которому я доверила общее руководство снабжением армии"³³. Фактически речь шла о большем. Маркиз д'Аржансон, брат военного министра и сам министр иностранных дел, писал: "Братья Пари стремятся управлять всем государством с помощью финансов, а финансами – посредством кредитов, т.е. путем разрушения государства, подавления экономики, роста расходов. Я сам это испытывал в течение тех двух лет, когда руководил министерством. Они постоянно осуждали меня за чрезмерную экономию средств короля в ходе его переговоров, советовали мне соглашаться на самые большие расходы и всегда были готовы дать огромные средства иностранным государствам, так как при этом хорошо зарабатывали"³⁴.

Помпадур с прибылью для себя участвовала в финансовых операциях братьев Пари. С ними связано и первое крупное сражение фаворитки с одним из непокорных ее воле министров Людовика XV – генеральным контролером финансов Филибером Ори, бывшим интендантом Лилля, возглавлявшим финансовое ведомство с марта 1730 г. У Ори была безупречная деловая репутация "финансового кудесника", король ему полностью доверял. Борьбу с Ори Помпадур, только в 1745 г. поселившейся в Версале и еще не имевшей связей при дворе, считали безнадежной, тем не менее она одержала победу.

³² Le journal, p. 40.

³³ Mémoires, t. 2, p. 20.

³⁴ Le journal, p. 36.

Ори повел наступление на фаворитку по двум основным направлениям. Во-первых, он попытался ограничить непомерные расходы Помпадур и, во-вторых, возражал против поставок братьями Пари продовольствия для армии. В ответ банкиры, опираясь на поддержку фаворитки, заявили, что, если Ори не будет уволен, они прекратят вести дела с казначейством.

Фаворитка не бездействовала. По ее указанию на Ори был собран обширный компромат. Его обвиняли в том, что своего молодого племянника он назначил интендантом в Париже, что его шурин стал премьер-министром короля Польши в изгнании (в Люневилле), другой родственник – послом, а еще один – командиром полка в Лотарингии, что 12-летнему сыну польского премьер-министра он дал аббатство.

Король, хорошо относившийся к своему министру финансов, все-таки предложил ему уйти в отставку по состоянию здоровья. Такая же судьба через четыре года постигла и многолетнего государственного секретаря, министра флота Морепа. Это был орешек крепче Ори. Король знал его с детских лет. У него были доверительные отношения с королевой и дофином. Морепа ненавидел Помпадур и не скрывал этого. Известна сцена, когда маркиза просит короля отозвать ордер на арест одного из ее друзей. Король сразу соглашается. Помпадур повторяет свою просьбу Морепа. В ответ следует реплика: "Я получаю приказы только от его величества". Людовик тут же говорит: "Делайте то, что хочет мадам"³⁵. Своей цели фаворитка добилась, но министр поставил ее на место, унизил. И она этого не забыла.

Морепа был активен. Он высмеивал буржуазные нравы Помпадур, писал злобные памфлеты. В ответ маркиза обвиняла министра во всех смертных грехах, даже в стремлении ее отравить и упорно требовала его ухода, но король колебался. Тогда Помпадур подготовила записку, в которой Морепа обвиняли в развале французского флота. В конце концов в апреле 1749 г. он ушел в отставку и уехал в свое имение в Бурже.

Между тем "рифмованные атаки" на Помпадур не прекратились. Автора искали и нашли. Им оказался дворянин по имени Рессегье. Его лишили офицерского звания и без суда приговорили к 20 годам тюремного заключения, а после отбытия наказания – к изгнанию из королевства.

"Подчинение министров" закончилось полной победой фаворитки. Новая конфликтная ситуация возникла в январе 1757 г. в связи с покушением на Людовика XV некоего Дамьена, простолюдина, близкого к иезуитам.

Покушение на короля изменило обстановку при французском дворе. Раненого монарха окружила вся семья, словно стеной отгородив от внешнего мира. Д'Аржансон не пускал Помпадур в королевские покои. В Совете председательствовал дофин. После ранения король впал в глубокую меланхолию, хотя рана была неопасной. Уже 11 января он встал с постели, но не выходил из своих апартаментов, принимал только самых близких людей и ни разу не произнес даже имени Помпадур. В конце концов под давлением семьи король уступил, и был отдан приказ – подготовиться к отъезду фаворитки. Кучеры не отходили от своих экипажей.

В течение часа у Помпадур шел "военный совет" с участием ее ближайших друзей: Берни, Субиза, жены маршала Мирепуа. Обсуждали вопрос: что делать? Решили не отступать и никуда не уезжать. Как показали дальнейшие события, это было правильное решение. Мало того, очень скоро Помпадур сумела использовать ситуацию, чтобы избавиться от неугодных ей министров, прежде всего от Машо, предавшего ее.

Сообщить Помпадур об ее изгнании из Версаля было поручено д'Аржансону. Однако изощренный в придворных интригах министр, решив, что поскольку рана короля неопасна и он скоро снова вернется к фаворитке, с согласия короля передал эту миссию Машо д'Арнувилю, сменившему Ори на посту генерального контролера финансов, а затем ставшему министром флота. Выслушав Машо, Помпадур была потрясена

³⁵ *Levron J. Louis Le Bien-Aimé. Paris, 1965, p. 221.*

тем, что именно Машо, который "был обязан ей всем, что имел", выступил против своей "покровительницы". Эти слова фаворитки отвечали реальности, как и ее утверждение, что она пыталась защищать министра от народа, считавшего генерального контролера главным виновником нищеты в провинции. Она хотела сделать Машо премьер-министром. Таким образом, у Помпадур были все основания рассчитывать на поддержку своего протеже, а он ответил ей черной неблагодарностью.

Машо давно проводил двуличную политику. С одной стороны, он был ставленником Помпадур, вел дела фаворитки, прежде всего денежные, пользуясь полным ее доверием. С другой стороны, он поддерживал отношения с ее врагами. Его любовница Сен-Флорентен была близка к королеве, а друзья поддерживали Морепа. Дружеские отношения с опальным министром связывали и самого Машо.

Людовик XV с трудом согласился на отставку Машо. Он писал своей любимой дочери герцогине Пармской: "Они столько сделали, чтобы вынудить меня уволить Машо, человека моего сердца. В этом случае я никогда не утешусь"³⁶. Как это часто бывает с людьми слабохарактерными, Людовик жестоко обходился с теми министрами, генералами, дипломатами, с которыми расставался. Они отправлялись в ссылку и из нее уже не возвращались. Король не желал их видеть. Он был приучен к интригам и лицемерию, отвечавшим глубинным чертам его характера. Машо оказался исключением из общего правила. Король отправил его в отставку в достойной форме и с большой пенсией в 20 тыс. ливров.

Иначе обошелся он с военным министром д'Аржансоном. Адресованное ему в тот же день письмо короля было резким по тону и не содержало упоминаний о каких-либо денежных компенсациях. Д'Аржансон отправился в свое имение в Орм и там оказался фактически в заключении. Даже болезнь не изменила его положения изгнанника. Экс-министр терял зрение, и врачи рекомендовали ему лечение в Париже. Согласие короля было получено только после смерти Помпадур.

Отставка д'Аржансона была для фаворитки еще более трудным делом, чем изгнание из Версаля Машо. Д'Аржансон был политиком с большим опытом, с многолетним пребыванием у власти. Людовик XV доверял ему настолько, что после покушения Дамьена отдал ключи от хранилищ своих секретных бумаг. Д'Аржансон ладил и с дофином, и с окружением королевы. Помпадур долго боролась с влиятельным министром. Она лавировала и, выигрывая время, через Берни предложила своему противнику политическое перемирие. Протянутая д'Аржансону рука повисла в воздухе. Противоречия между фавориткой и военным министром становились все более острыми. Целью д'Аржансона была должность главы правительства. Но ее практически занимала Помпадур. По ее указаниям министр проводил военную реформу, но от него зависели назначения в армию, воинские звания, награды. Помпадур неоднократно обращалась к д'Аржансону с просьбами, но всегда получала отказы. Они были особенно болезненными для фаворитки, когда затрагивали ее сугубо личные интересы. Так, д'Аржансон помешал ее кузену Феррану занять пост руководителя почтового ведомства, вмешивался в организацию развлечений короля – в дела "интендантства развлечений". Тайная война перерастала в ненависть.

Решающее столкновение произошло через несколько дней после покушения на короля. Помпадур пригласила к себе интенданта почт Жанеля и посоветовала ему в письмах, передаваемых королем, исключить любые упоминания о покушении Дамьена. Жанель сообщил о своей беседе с Помпадур д'Аржансону. Министр пригрозил почтовому чиновнику Бастилией, если тот примет предложение фаворитки. Как писал Берни, "д'Аржансон считал предложения маркизы последними усилиями утопающей, хватающейся за соломинку"³⁷. Помпадур решила на визит к д'Аржансону. Он заявил, что приказал Жанелю сообщать королю только правду, свою позицию он не

³⁶ *Boutaric M.E.* Op. cit., t. 1, p. 5.

³⁷ *Goncourt E. et J.* Op. cit, p. 195.

изменит и удивлен, почему маркиза занимается делами, которые касаются только министра. Тогда Помпадур заявила: "Уже давно я знаю ваше отношение ко мне и вижу, что ничто не сможет его изменить. Не знаю, чем все это кончится, но, несомненно, один из нас – вы или я – должен будет уйти"³⁸. Уйти, как уже отмечалось, пришлось д'Аржансону.

Долгая борьба фактически за пост премьер-министра закончилась победой Помпадура. Ее часто упрекали в том, что она не владела искусством управления, не умела подбирать людей. "Самая большая трудность, возникшая с властью маркизы, заключалась в абсолютной зависимости от нее министров. Она их выбирает, воспитывает и низвергает по своему капризу. Известно, что власть, исходящая из нечистого источника, позволяет себе действия, противоречащие интересам государства", – писал историк Сулави³⁹. Зависимость министров от короля или от его ближайших доверенных лиц характерна для абсолютистского государства, но это вовсе не означает, что зависимый министр обязательно человек бесталанный. Подтверждением тому является деятельность двух государственных деятелей, которым Помпадур открыла дорогу к власти – кардинала Берни и герцога Шуазеля.

Берни родился в 1715 г. Он был аббатом, но духовный сан не помешал ему стать поэтом, любителем развлечений и поклонником женщин. В семью Жанны он был вхож задолго до того, как она стала мадам д'Этиоль. В творческих способностях Берни Жанна-Антуанетта убедилась, когда в 1745 г., на заре ее знакомства с королем, Людовиком, находившийся в армии, посылал оттуда письма своей новой возлюбленной. Их было много – около 80. Письма его величества требовали пылкого и романтического стиля. Тут и раскрылся талант Берни. Помпадур его оценила и пристроила аббата при дворе. Он имел свое постоянное место в Версальском театре, получал пенсию в 1750 ливров и жил в небольшой квартире в Тюильри. Берни при дворе знали, но известность не приносила денег. Аббата душили долги. Он решил, что самый короткий путь к богатству – дипломатическая работа. Берни помог случай: освободился пост посла Франции в Венеции. Энергичное вмешательство Помпадура быстро завершилось положительным результатом. 7 ноября 1751 г. д'Аржансон сообщил о назначении аббата послом в Венеции, сопроводив это сообщение ироническим комментарием: "Аббат Берни – светлый ум Академии, с его томным видом, пишущий стишки, которым удалось избежать его лени, высокомерный, ничтожный человек, любящий бодрствовать в обществе прекрасного пола и вставать в полдень, к тому же не имеющий состояния"⁴⁰.

Мнение д'Аржансона оказалось предвзятым. Уже первые донесения Берни из Венеции свидетельствовали об аналитическом складе его ума, способности ясно изложить то, что он видел, слышал, чувствовал и понял, хотя прежде он никогда не читал и не подписывал ни одного дипломатического документа. От патриарха Венеции Берни получил звание дьякона и по возвращении в Париж стал государственным советником по церковным делам. В качестве награды он получил аббатство Сен-Арну с рентой в 50 тыс. ливров.

В Версале активность и прозорливость посла в Венеции заметили и оценили. В сентябре 1755 г. Берни был назначен послом в Испании. За несколько дней до отъезда в Мадрид Людовик XV по настоянию Помпадура поручил аббату ответственные переговоры с австрийскими дипломатами о принципиально новых отношениях между Францией и Австрией, изменивших международную ситуацию в Европе. Это было высокое назначение, выдвинувшее Берни на первый план французской политики. Он стал членом королевского Совета, министром иностранных дел.

Для Берни, несмотря на его здравый смысл, переговоры с австрийцами были психологически трудным делом. По воспитанию и образованию, по дипломатическому

³⁸ Ibid., p. 195, 196.

³⁹ Mémoires sur Madame de Pompadour (par Soulavie), p.138.

⁴⁰ Mémoires et lettres de cardinal de Bernis, t. 1, p. XLII.

опыту он являлся убежденным антиавстрийцем, сторонником традиционной французской политики в Европе. Конечно, аббат был предан своей покровительнице, но не слепо, не фанатично. Он опасался реакции государственных деятелей и шока со стороны общественного мнения в ответ на столь крутые перемены во внешней политике страны. Несмотря на противоречия с Помпадур, аббат, как уже говорилось, энергично поддерживал фаворитку в трудные для нее дни января 1757 г. Он убеждал Помпадур не принимать поспешных решений. "Прежде чем покинуть двор, вы должны дожидаться приказа короля. К тому же вы хранитель государственных секретов, писем его величества. Вы не имеете права располагать собой", – говорил Берни⁴¹. Своих настроек он не скрывал и от короля, заявляя, что отъезд маркизы из Версаля нанесет ущерб государственным делам в то время, как венский двор, добиваясь союза, обращается к ней. Берни даже заявил о своей отставке, если ему вдруг придется работать с "другой женщиной, не имеющей в отношении него тех прав, которые дают дружба и признательность"⁴². Помпадур осталась в Версале. Это была ее победа над королевской семьей. Но в отношениях маркизы с Берни вскоре появилась трещина. В 1758 г. разрыв стал неизбежным и завершился отставкой Берни.

Среди государственных чиновников и военных, входивших в клан Помпадур, – министров, губернаторов, послов, генералов, которым она в своих интересах открыла дорогу к власти и богатству, – особое место занимает граф Этьен Стенвиль (позже – герцог Шуазель). Он стал ведущей фигурой в лагере Помпадур при авантюрных обстоятельствах, которыми так богата ее биография.

Неутомимый в своем стремлении низвергнуть Помпадур с ее "трона", д'Аржансон подыскал для короля новую фаворитку – молодую графиню Шуазель-Романе. Началась очередная любовная история. Король написал графине письмо, и она ознакомилась с его содержанием своего родственника Стенвиля. Он числился скорее в стане врагов Помпадур, нежели ее друзей, но, решив использовать ситуацию в своих интересах, передал ей письмо Людовика. Помпадур устроила королю бурную семейную сцену, и претендентка была изгнана из Парижа. Услуги такого рода не забываются: Шуазель на многие годы сделался соратником Помпадур, исполнителем ее воли и решений. Для этого он обладал всеми необходимыми качествами: дипломатическим и военным опытом, гибким, изворотливым умом, твердой волей, непомерными амбициями. И, наконец, он был независим в финансовом отношении, так как его жена обладала большим состоянием.

Шуазель оказался волевым и талантливым политиком, но его буквально пожирало честолюбие. Помпадур помогала ему удовлетворять жажду власти. При ее поддержке он стал послом в Риме, затем в Вене, а в октябре 1758 г. сменил Берни, отправленного в отставку, на посту министра иностранных дел. Неблагоприятный для Франции ход Семилетней войны потребовал централизации управления ее вооруженными силами. В 1761 г. Шуазель был назначен госсекретарем по военным и морским делам. Он завершил свое пребывание у власти присоединением к Франции Лотарингии в 1766 г. и приобретением Корсики в 1768 г. Общественное мнение порицало Шуазеля за его любовь к роскоши, оскорблявшей достоинство "среднего человека". Но это ни в коей мере не отменяет того факта, что "король Шуазель", как его звали при дворе, был самым блестящим государственным деятелем эпохи Людовика XV, в выдвижении которого и его долгом пребывании у власти Помпадур сыграла решающую роль.

ОТНОШЕНИЯ ПОМПАДУР С ЦЕРКОВЬЮ И ЭНЦИКЛОПЕДИСТАМИ, С ДЕЯТЕЛЯМИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Жанна-Антуанетта была политиком с широким кругозором. Ее интересовали не только вопросы войны, мира, торговли, но и внутренней жизни Франции, особенно

⁴¹ *Lervon J.* Op. cit., p. 285.

⁴² *Ibid.*, p. 293–295.

Парижа. Информацию она получала из надежного источника – от префекта парижской полиции Берье, который был послушным орудием фаворитки, ее доверенным лицом.

С именами Берье и Помпадур связаны народные выступления конца 40-х – начала 50-х годов XVIII в., спровоцированные чересчур активной деятельностью префекта. Префектура запретила для распространения книги, противоречащие религии и "добрым нравам". Такая формула открывала неограниченный простор для полицейского произвола. Берье ввел жесткие правила чистоты улиц, содержания лошадей в столице. Но особое возмущение вызвал ордонанс полиции, направленный против бродяг и нищих. Их хватали на улицах, отдавали в матросы, высылали в Канаду и Луизиану. Поводов для народного гнева было предостаточно. Взрыв негодования произошел, когда полицейские украли ребенка, рассчитывая получить выкуп от матери. За нее вступились жители Сент-Антуанского предместья. В это же время неподалеку от места происшествия полицейские задержали нищего мальчика. Тот стал кричать, толпа бросилась к дому Берье. Его вовремя предупредили, и он сбежал. Были вызваны гвардейцы, мушкетеры, швейцарцы-наемники. Мятеж длился три дня. Многих парижан повесили, бросили в тюрьмы.

Король по совету Помпадур сделал жесткие выводы. Он отказался от полудобровольной охранной службы и сформировал 12 рот (10 пехотных и 2 конных), следивших за порядком в Париже. Перевооружили гарнизон Бастилии (800 человек), ее пушки вместе с пушками Венсенского замка были наведены на мятежные предместья Сент-Антуан и Сент-Марсель. Построили три казармы в стратегически важных пунктах города. Как писал Александр Дюма, "1750 уже таил в себе 1789"⁴³.

Ко времени парижских волнений положение Помпадур при дворе изменилось – ее отношения с королем стали чисто дружескими. Специальный коридор, соединявший апартаменты любовников, был замурован. После прекращения любовной связи с Людовиком Помпадур сделалась подчеркнуто благочестивой. Каждый день она присутствовала на молебне в церкви в свите королевы. В великий пост трижды в неделю не ела мяса, читала религиозные книги. Часто молилась на могиле дочери (та умерла от перитонита в 1754 г., в десятилетнем возрасте). Помпадур даже перестала посещать театр.

К благочестию ее склонял Машо. По его совету духовником Помпадур стал иезуит Сасси, управлявший делами иезуитского ордена во Франции. По его настоянию маркиза написала письмо д'Этиолу, своему бывшему мужу, с предложением восстановить семейные отношения. Но для супруга, познавшего и муки ревности, и прелести личной свободы, об этом не могло быть и речи. Иезуиты выяснили и мнение Людовика XV. Оказалось, что Помпадур ему "необходима для счастья в жизни и для ведения его дел, что она единственная осмеливается говорить ему правду, столь полезную для королей". Мало того, Людовик обратился к жене с просьбой дать согласие на назначение Помпадур ее придворной дамой. Мария Лещинская согласилась, правда, не безвозмездно: один из ее ближайших друзей получил маршалский жезл.

Ставшая набожной Помпадур тайно обратилась с письмом в Ватикан, к папе. Она писала о своих чувствах, о своей вере, о новых дружеских отношениях с королем. За поведением Помпадур и действиями Людовика XV внимательно наблюдали иезуиты – и при папском престоле, и в Париже. При этом деятельность фаворитки в сфере политики и управления постоянно подвергалась критике. Помпадур, реагируя на нее, писала Шуазелю: "Партия религии, к которой я примкнула после очень долгих и зрелых размышлений, обвиняет меня в тонкости, ловкости, предусмотрительности и даже в лживости. А я только бедная женщина, которая десять лет ищет счастья и считает, что нашла свою любовь"⁴⁴.

⁴³ Dumas A. Louis XV et sa cour, v. 1. Paris, 1882, p. 274.

⁴⁴ Levron J. Op. cit., p. 260.

Несомненно, что "бедная женщина" обладала всеми названными и многими другими деловыми способностями, благодаря которым она с 9 февраля 1756 г. находилась на службе у королевы в качестве ее придворной дамы. Должность была престижной, и положение маркизы укрепилось, чему способствовало и ее внешне доброжелательное отношение к католической церкви во Франции.

Среди врагов Помпадур заметную роль играл архиепископ Парижа Бомон. Он видел в фаворитке противницу религии и ее служителей, особенно иезуитов. Для Бомона, королевы, дофина и их окружения маркиза была злейшим врагом всех, кого они считали своими союзниками. Помпадур знала о настроениях парижского владыки и пыталась привлечь его на свою сторону. Король предложил архиепископу кардинальскую шапку. Однако Бомон хотел большего: получения кардинальского сана и одновременно сохранения поста архиепископа Парижа. Такая задача оказалась для Помпадур неразрешимой. Разумеется, враждебность к ней Бомона была объяснима, учитывая образ жизни фаворитки и активность ее многочисленных врагов среди придворной аристократии и высшего чиновничества. Но особенно нетерпимым для церковных иерархов было отношение Помпадур к таким важным для духовенства вопросам, как судьба церковных имуществ и налогов. В связи с налоговой политикой Машо, сменившего Ори на посту генерального контролера финансов, она, например, писала: "Я нашла отличное средство восстановить финансы, истощенные войной и плохим управлением генеральных контролеров: следует отобрать у духовенства все имущество, которым оно сообща владело"⁴⁵.

Машо ввел 20-процентный налог со всех классов и слоев населения, не исключая привилегированных сословий – дворянства и духовенства. Церковь оказала решительное сопротивление, и король пошел на уступки. В декабре 1751 г. "налог Машо" был отменен. Церковные доходы – огромная сумма в 150 млн. ливров в год – остались неприкосновенными. Церковь, как и раньше, продолжала откупаться от казны "добровольными дарами", значительно меньшими, чем налог Машо. Людовик считал себя победителем: он оправдался перед церковью и рассчитывал получить индульгенцию для своей внебрачной жизни.

Открыто в финансовую войну Машо с епископами и иезуитами Помпадур не вмешивалась, наоборот, она неизменно подчеркивала свою лояльность по отношению к церкви. Вместе с тем она внимательно наблюдала за всеми перепетиями конфликта между королевской властью и орденом иезуитов, лично хорошо зная действующих лиц.

В центре громкого скандала, неожиданно вспыхнувшего далеко от Парижа, оказался уже упоминавшийся руководитель иезуитов во Франции Сасси. Речь шла о крупной финансовой афере с участием иезуитов. На острове Мартиника успешно вел дела иезуит Ля Валетт. Ему завидовали. Жалобы на него доходили до короля, но орден неизменно поддерживал Ля Валетта и дал ему власть над многими островами – Доминикой, Мари-Галантом, Гренадой, Сен-Люси, Сент-Винсентом. Ля Валетт повсюду открыл свои конторы. У него были деловые связи с Бордо, Марселем, Ливорно, Амстердамом. Иными словами, фирма Ля Валетт была вне всяких подозрений. И братья Лионе и Гуфр, известные предприниматели из Марселя, приняли от Ля Валетта векселя на 1,5 млн. ливров, ожидая товаров на 2 млн. Но в это время Англия начала войну на море. Братья обанкротились, хотя их оборот составлял до 30 млн. ливров в год. Это был удар по всей торговле Франции. Братья обратились к генералу иезуитов Сасси. Иезуиты не признали долгов Ля Валетта. Тогда кредиторы передали дело в суд. Решение от 8 мая 1761 г. обязало генерала Сасси компенсировать все убытки марсельцев. Кроме того, суд запретил прямо или косвенно заниматься любыми видами торговли, запрещенными церкви законодательством и административными решениями. Иезуиты подчинились, они решили платить. Гатен, генеральный прокурор миссий иезуитов в Америке, за 8–9 месяцев нашел для оплаты 1,3 млн. ливров. Французы мстили по-

⁴⁵ Mémoires, t. 2, p. 39.

следователям Игнатия Лойолы (основателя ордена иезуитов в Париже в 1534 г.) за религиозный фанатизм, духовное насилие, за настойчивое утверждение во Франции неограниченной власти Ватикана.

Наряду с вопросами торговли, между парламентом Парижа и духовенством существовали острые противоречия по вопросам образования, духовной жизни и т.д. Помпадур занимала осторожную позицию. Она советовала королю балансировать между двумя лагерями, не отказывая от поддержки ни одному из них, чтобы иметь возможность быстро определиться в случае необходимости. "Я верю, что иезуиты – честные люди, но нельзя, чтобы ради них король пожертвовал парламентом в тот момент, когда он ему так необходим"⁴⁶, – писала Помпадур по поводу конфликта церкви, иезуитов и парламентской оппозиции, в которую была втянута и королевская власть.

Особую остроту конфликт приобрел в связи с проблемой последнего причастия. По решению епископов духовные лица при последнем причастии умирающего должны были требовать свидетельство об отпущении грехов, данное священником, верным папской булле Унигенитус. Эта булла была направлена против учения голландского богослова XVII в. Янсения, непримиримого врага иезуитов.

22 марта 1752 г. аббат в Сент-Этьен-дю Мон по фамилии Буетен отказал в последнем причастии 75-летнему Лемеру, не имевшему свидетельства об отпущении грехов. Лемер успел послать жалобу в Париж. Верховный суд вызвал Буетена для объяснений. Тот не явился. Суд оштрафовал непокорного аббата и обратился к архиепископу Парижа с призывом не допускать таких случаев. В дело вмешался король. Он заявил, что его Совет отменил решение суда и впредь сам будет заниматься подобными делами. 27 марта суд подтвердил свою позицию. На следующий день Лемер умер без причастия. На его похоронах собралось свыше 10 тыс. человек. Людовик XV отступил и после обсуждения на Совете встал на сторону парламента. А Верховный суд, продолжая свою линию, под угрозой преследования за нарушения "общественного спокойствия" запретил священникам в их проповедях даже упоминать слово "янсенисты".

Напряженность в обществе не спадала. Большинство кюре в Париже продолжали требовать от умирающих свидетельство об отпущении грехов. Дело доходило до того, что духовников, направлявшихся к умирающим, сопровождали приставы. В провинции суды по примеру Парижа преследовали священнослужителей, сохранявших верность папской булле.

В феврале 1757 г. король запретил парламентам рассматривать дела об отказе от причастия, поручив их ведение только своему Совету. Однако парижский парламент отказался зарегистрировать грамоты короля. А только регистрация и могла придать им силу закона. Людовик XV решил прибегнуть к силе. В ночь с 8 на 9 мая королевские мушкетеры с ордерами на арест появились в домах одного за другим судей и потребовали, чтобы те в 24 часа выехали из Парижа в указанное в документе место. Список этих мест был длинным: Пуатье, Ангулем, Клермон-Ферран, Шомон-сюр-Марн и многие другие города. Четверем наиболее активным противникам власти дали на сборы четверть часа. Они должны были отправиться в крепости со зловещей репутацией – Мон-Сан-Мишель, остров Маргариты и т.д. Но это была пиррова победа монарха. Парламенты в провинции поддержали Париж и отказывались заседать. Правосудие в стране было парализовано. Власти пошли на попятную и возвратили изгнанников из ссылки.

О позиции Помпадура в религиозном вопросе свидетельствует ее переписка с Шуазелем, которая была регулярной. 10 ноября 1755 г. Помпадур писала послу, что верит в "светлый разум Святого Отца и, еще в большей мере, в его любовь к религии, к королю и государству, которые позволяют ему осознать необходимость установить мир в церкви и не дать предлога безумцам, стремящимся уничтожить религию и зажечь пожар в королевстве"⁴⁷. Она вновь и вновь возвращалась к этому вопросу: "Фанатики

⁴⁶ *Ludovic M.* Op. cit., p. 334.

⁴⁷ *Levron J.* Op. cit., p. 257.

наносят много вреда религии. Они известны, и давно нас огорчают, меня изводят. Судите теперь, как они мне не нравятся и какие услуги Вы окажете государству и мне, в частности, если сумеете восстановить мир в церкви"⁴⁸.

Шуазелю многого удалось добиться от папы. Но политика Ватикана испытывала давление со стороны кардиналов, значительной части французского епископата. 16 октября 1756 г. папа Бенуа XIV подписал энциклику, в которой подтвердил буллу Унигенитус, но отменил требование свидетельства об отпущении грехов. Папа занял непримиримую позицию только по отношению к янсенистам. Помпадур постоянно подбадривала Шуазеля: "Не теряйте мужества, не дайте скуке, которая, как мне говорили, ужасная в Риме, одолеть себя. Постоянно занимайтесь большими делами, которые Вам поручены, и я очень хочу, чтобы Вы в этом преуспели. Дайте мне оружие, чтобы заставить забыть то, что мне говорили, когда Вас назначали послом, и, будьте уверены, что я его использую эффективно"⁴⁹.

Посол часто встречался с папой, и фаворитка послала подарок святому отцу – великолепную фарфоровую кропильницу, но предупредила, что дар должен исходить не от нее, а от посла. При этом, явно рассчитывая на передачу своих слов, она в весьма вольном стиле, принятом при дворе Людовика XV, писала: "Я безумно люблю святого отца"⁵⁰.

Духовное развитие Помпадур не ограничивалось чтением Библии и других церковных текстов. Заботясь о личном престиже и связях в мире идеологии, культуры и искусства, она прославляла все формы творчества, особенно высоко отзываясь о писателях, чью славу считала "столь же прекрасной, как и славу, завоеванную в битвах, а возможно, даже более прекрасной, так как она не стоила государству ни крови, ни денег"⁵¹. При этом она вспоминала слова Берни, советовавшего ей поддерживать писателей, благодаря которым Людовик XIV "получил имя Великого"⁵².

Помпадур поддерживала тесные связи с учеными, художниками, музыкантами. Нередко она брала их под свою защиту. По просьбе Ш. Монтескье она не допустила выхода в свет книги с критикой его произведения "Дух законов". Сохранилось всего пять-шесть экземпляров работы, вызвавшей гнев знаменитого философа. В своих взаимоотношениях с творческими людьми фаворитка была изобретательна и многолика: любезна и щедра с одними, груба и бесцеремонна с другими, высокомерна с третьими. На этом фоне особо выделяется первостепенная, если не решающая роль, которую Жанна-Антуанетта сыграла в выходе в свет в 1751 г. первых томов "Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел", подготовленного французскими просветителями во главе с Дидро.

"Энциклопедию" начали готовить в 1750 г. Д. Дидро и Ж. д'Аламбер искали истину не в Библии и доктрине церкви, а в истории и в науках – у Вольтера, Руссо, Тюрго, Монтескье. Статей было немного, а подписчиков – 43 тыс. – огромное по тем временам количество, хотя издание стоило дорого. Кредо авторов изложил д'Аламбер: "Нужно все рассмотреть, все разворошить, без исключения и без пощады". Однако социальные структуры общества энциклопедисты рассматривали с консервативных позиций, не подвергая их прямой критике. Они были сторонниками умеренных реформ, цель которых – открытое правительство, прекращение религиозных преследований, терпимость к меньшинствам, развитие сельскохозяйственного производства. Да и многие политические взгляды энциклопедистов были приемлемыми для Помпадур и ее окружения. Например, концепция "конституционного абсолютизма" Вольтера, считавшего, что монархия может быть полезной при соблюдении ею прав личности, ува-

⁴⁸ Ibid., p. 269.

⁴⁹ Ludovic M. Op. cit., p. 172.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Mémoires, t.1, p. 230.

⁵² Levron J. Op. cit., p. 198.

жении общественного мнения, верности "фундаментальным законам". Монтескье был сторонником аристократической монархии, контролируемой дворянством и аристократией. Помпадур настаивала на публикации "Энциклопедии" без сокращений. Она брала под защиту д'Аламбера и Дидро, прибегая к методам женской дипломатии.

Вольтер (со слов слуги короля) рассказывал о беседе, состоявшейся однажды после ужина в Трианоне в присутствии Людовика XV. Свою роль Помпадур играла умело. "Я не знаю, – сказала она, – из чего состоит помада, которой я крашу щеки; мне было бы очень трудно ответить на вопрос, как делают шелковые чулки, которые я ношу". Герцог Лавальер тут же заметил, что на все вопросы ответы можно найти в "Энциклопедическом словаре". Трое слуг принесли каждый по семь томов, и фаворитка прочла сведения о различиях между помадами в Париже и Мадриде, о технике производства чулок. "Какая прекрасная книга!", – заключила она.

Современники по-разному оценивали деятельность Помпадур в защиту культуры и ее представителей. Вольтер писал после ее смерти: "Настоящие писатели, настоящие философы должны сожалеть о мадам Помпадур. Она думала так, как следует думать. Никто не знает это лучше, чем я. Действительно, потеря велика". По мнению д'Аламбера, "она была из наших"⁵³. Герцог де Кастри считал, что в Помпадур "жил дух величия Франции". Существует и немало негативных мнений. Приведем слова Дидро. "Что же осталось от этой женщины, которая источила наши человеческие и денежные ресурсы, оставила нас без чести и без воли, перевернула всю политическую систему Европы? Версальский договор, который будет длиться, сколь это возможно, любовь Бушардона – ею будут восхищаться всегда, несколько драгоценных камней работы Ге, поражающие антикваров, прекрасная, но небольшая картина Ванлоо (на нее иногда будут смотреть) и горстка пепла"⁵⁴.

Мы далеки от того, чтобы переоценивать значение духовных ценностей для Помпадур. Для нее на первом месте всегда были ценности материальные – от изысканного дворца Бельвю до ласкающего взор северского фарфора. Кстати, именно Помпадур Франция обязана своим знаменитым фарфором. Маркиза неоднократно говорила Людовику XV, что французы ежегодно тратят 500 тыс. ливров на покупку в Китае или в Саксонии фарфоровых изделий, которые могли бы производить сами. Фарфоровая мануфактура возникла в 1741 г. в Венсене. Работало на ней всего 100 рабочих. Условия труда были тяжелыми, рабочие не получали ни жилья, ни питания. Маркиза решила поддержать предприятие. По ее настоянию в 1750 г. король дал мануфактуре заказа на производство фарфоровых цветов и ваз для своих дворцов в провинции. Сумма заказа была по тем временам огромной – 800 тыс. ливров. Помпадур тоже заказала в Венсенне фарфор для дворца Бельвю.

В 1756 г. по инициативе фаворитки мануфактура переехала из Венсена в Севр. На ней уже работали около 500 рабочих, среди которых 60 были мастерами-художниками. Обстановка для расширения производства оказалась благоприятной. Фридрих II овладел Дрезденом, и саксонского фарфора стали выпускать значительно меньше. Все больше заказов теперь поступало в Севр. Помпадур каждую неделю посещала Севр, иногда в сопровождении короля, которому принадлежали 20% мануфактуры. Фаворитка энергично пропагандировала северскую продукцию. Она ежегодно устраивала в Версале выставку изделий из фарфора, вынуждая придворных покупать их за высокую цену. К примеру, ваза для цветов стоила 25 ливров.

РОЛЬ ПОМПАДУР В СОЗДАНИИ АВСТРО-ФРАНЦУЗСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Прошло совсем немного времени после покушения Дамьена на жизнь Людовика XV, что создало для фаворитки угрозу изгнания из Версаля, и ее прежнее положение было

⁵³ *Duc de Broglie. Maurice de Saxe et le marquis d'Arganson*, t. 2. Paris, 1893, p. 318.

⁵⁴ *Goncourt E. et J. Op. cit.*, p. 297.

восстановлено. Министры, генералы, послы – все, как прежде, остались в ее подчинении. Король продолжал консультироваться с ней по государственным делам, а проблем для обсуждения, особенно касающихся внешней политики Франции, насчитывалось немало.

При Людовике XV продолжалось ослабление военно-политических позиций Франции в мире, начавшееся еще при короле-солнце. К середине XVIII в. вопрос о французской гегемонии в Европе и колониях потерял актуальность. Англия, воспользовавшись мирной передышкой, укрепила свои позиции, создала флот, равный объединенному франко-испанскому. В Париже отдавали себе отчет в том, что произошли серьезные изменения и в политике континентальных государств. Экспансионистские устремления начали проявлять Австрия и Пруссия. В такой обстановке обострилось хроническое противоречие между французской внешней и военной политикой, дорогостоящими замыслами французской дипломатии и ограниченными финансовыми средствами для их осуществления.

До середины XVIII в. Франция проводила в Европе политику, враждебную австрийской монархии. Противниками Австрии были и Генрих IV, и кардинал Ришелье, и Людовик XIV. Антиавстрийскую политику столетиями считали национальной и рассчитанной на века. Вестфальский договор 1648 г. – фундамент европейского равновесия – провозгласил Францию официальным гарантом независимости малых германских государств, которым угрожала Австрия. Но ситуация в Европе изменилась. Окрепшая при Петре I Россия оказывала возрастающее влияние на всю систему европейских международных отношений. Влиятельной политической и военной силой стала Пруссия. В центре Европы Польша – аристократическая республика – имела тесные отношения с Францией. Женой Людовика XV была дочь свергнутого с престола польского короля. В 1697 г. польские аристократы пытались возвести на трон Польши принца Конти, а в 1747 г. – его внука. Обе попытки по разным причинам, но в значительной мере из-за противодействия России оказались для поляков и французов неудачными. Враждебная Франции российская позиция в "польском вопросе" являлась одной из причин негативного отношения Людовика XV к России и ее внешней политике. С Россией Людовик XV вообще не вел реальной политики и ограничивался личной перепиской с императрицей Елизаветой. Эта переписка впоследствии по договоренности сторон была сожжена, не оставив никаких следов в архивах.

После завершения в 1748 г. Войны за австрийское наследство проблема союзов приобрела особую остроту во внешней политике Франции, которая была близка к дипломатической изоляции. Главным ее врагом в Европе и в колониях оставалась Англия. Пруссия по Аахенскому мирному договору получила Силезию, что обострило австро-прусское соперничество. Ситуация для Франции осложнилась, когда стало известно о подписании 27 января 1756 г. во дворце Уайтхолл в Лондоне союзного англо-прусского договора, по сути своей имевшего антифранцузскую направленность. К тому же этот договор, подготовленный в обстановке секретности, был предан гласности лишь тогда, когда встал вопрос о продлении союзных франко-прусских отношений.

В этих условиях пересмотр "австрийской политики" приобрел особую актуальность. Почва для франко-австрийских переговоров была фактически подготовлена. В дипломатических кругах Версаля австро-французский союз настойчиво и аргументировано пропагандировал Венцель Кауниц, выдающийся австрийский дипломат и государственный деятель (с 1753 г. государственный канцлер), назначенный в 1750 г. послом в Париже. Первая и наиболее сложная задача, которую должен был решить Кауниц во французской столице, это найти союзника для ведения переговоров, человека, пользующегося доверием короля и влиянием в большой политике. Тактика поведения у австрийского дипломата была своя, оригинальная. Он держался в стороне от версальского двора, от министров. Казалось, его интересовали исключительно парижские финансисты, да и те не столько для дипломатических, сколько для личных целей. Кауниц писал: "Я здесь для двух занятий: по делам моей государыни, и я их веду успешно, и для моих удовольствий, и по этому вопросу я консультируюсь только с са-

мим собой. Представительство, наоборот, меня раздражает и стесняет. С двумя персонами я должен бережно обращаться: с королем и с его фавориткой. И с ним, и с ней у меня хорошие отношения"⁵⁵.

Два года переговоров Кауница в Париже результатов не дали, и тогда в Вене решили установить сотрудничество с Помпадур. Императрица Мария-Терезия одобрила этот выбор. Она, как пишет Бутарик, "нанесла решающий удар, написав мадам Помпадур собственной рукой льстивую записку, которая определила горячую поддержку фавориткой австрийской политики"⁵⁶. Трудно переоценить значение для Помпадур личного обращения к ней царствующей особы. Это было официальное признание ее выдающейся роли во французской политике, влияния на короля и его министров. В 1759 г. Мария-Терезия прислала ей в подарок лакированный письменный прибор со своим портретом работы одного из известных парижских ювелиров с площади Дофин. Подарок был дорогим – 87 тыс. ливров. Получив согласие короля, Помпадур направила в Вену благодарственное письмо. Ответа она не получила. Переписка не состоялась. Австрийская императрица все-таки не позволила себе быть на короткой ноге с любовницей короля Франции.

Возможности Помпадур оценили не только в Вене, но и в Берлине. Фридрих II предложил своим дипломатам в Версале "купить" ее. Авантюра потерпела полный крах. Известный своей грубоватой развязностью Фридрих II не понял психологии самовлюбленной, честолюбивой и богатой фаворитки. Он оказался намного менее наблюдательным и прозорливым, чем Кауниц, который уже в начале своей миссии писал из Парижа в Вену 22 августа 1751 г.: "Если мадам Помпадур будет вмешиваться в иностранные дела, то, я считаю, она не окажет нам плохих услуг. Ко мне она относится с большой добротой и известным доверием"⁵⁷.

На политику оказывали влияние и личные предпочтения короля и фаворитки. Людовик ненавидел прусского короля, считал его еретиком и готов был возглавить германских князей-католиков, способных противостоять протестантам во главе с Фридрихом II. Имела свои счеты с прусским королем и Помпадур. Злоиронические высказывания прусского монарха в ее адрес были известны всей Европе, и она отвечала неприязнью и к Фридриху II, и к верным ему германским лютеранам. Помпадур писала близкой ей графине Лютцембург: "Я смертельно ненавижу ваших лютеран за то, что они любят короля Пруссии. Если бы я была в Страсбурге, то сражалась бы целыми днями"⁵⁸.

На вопрос, каким должен быть механизм австро-французского сближения, остроумно ответил маршал Ришелье: "Для объединения Франции и Австрии нужны были слабый король во Франции и достаточно искусная, как Мария-Терезия, государыня в Австрии, ловкая фаворитка в Версале и мудрый, как Кауниц, министр в Вене"⁵⁹. Перечень главных действующих лиц правильный, но значимость их роли требует уточнения. С австрийской стороны, особенно на начальном этапе "потепления" отношений Франции и Австрии, ведущую роль сыграл Кауниц, с французской стороны – Помпадур, которая фактически создала франко-австрийский союз и механизм его действия, добилась одобрения своих идей Людовиком XV и его Советом. Помпадур впервые в истории примирила династии Бурбонов и Габсбургов.

Король поддерживал идеи фаворитки. Он писал в одном из писем: "Имейте всегда в виду тесный союз с Веной. Это мое творение, я считаю его хорошим и хочу его поддерживать". К этой идее король обращался неоднократно, например, в письме чинов-

⁵⁵ *Boutaric M.E.* Op. cit., t. 1, p. 72.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 73.

⁵⁷ *Ludovic M.* Op. cit., p. 121.

⁵⁸ *Goncourt E. et J.* Op. cit., p. 266.

⁵⁹ *Mémoires du marechal duc de Richelieu*, v. XVII, p. 205.

нику дипломатического ведомства Терсье от 26 октября 1758 г.: "До самой смерти я не покину императрицу-королеву, и мой сын испытывает те же чувства"⁶⁰.

Поддерживая идею франко-австрийского примирения, сам Людовик XV претворением ее в жизнь не занимался, как не занимался и многими другими проблемами внешней политики. "Австрийский вопрос" стал достоянием фаворитки. "Король полностью предоставил мне осуществление проекта, идею которого я высказала ему первой"⁶¹, – отмечала Помпадур. Прежде всего маркизе надо было по просьбе австрийцев подобрать "своих людей" для ведения переговоров. По ее рекомендации король утвердил в качестве своего представителя на переговорах малоизвестного в европейской дипломатии аббата Берни, стародавнего друга Помпадур. Проводивший политику фаворитки, линию на примирение и сотрудничество с Австрией, в душе Берни оставался антиавстрийцем, противником династии Габсбургов. Он считал, "что речь шла не о договоре, затрагивающем незначительные объекты, а о полном крушении системы, существовавшей со времени Филиппа II и являющейся базой всей внешней политики Франции. Опасно шокировать общественное мнение, хотя оно не более чем предрассудок". По мнению Берни, союз двух самых могущественных государств Европы означал бы поражение других государств. С этого времени германские князья, которые считали французского короля защитником своей свободы, стали бы относиться к нему с подозрением. "На какой документ мог бы он (Людовик XV. – Ю.Б.) отныне опереться в качестве гаранта Вестфальского договора? У императрицы отсутствует какая-либо иная цель, кроме как атаковать в благоприятных для себя условиях короля Пруссии и дать нам самим втянуться в эту ссору, оплатить расходы на войну, которые оплачивались Францией и Англией. Итак, король окажется вынужденным участвовать в наземной войне, которой он хотел бы избежать"⁶², – такова была позиция Берни. Он приводил и другие аргументы, доказывая опасность для Франции военно-политического союза с Австрией.

Берни опасался новой войны в Европе. Он считал, что Франция к ней не готова. Ее флот уступал английскому. Не хватало опытного командного состава, талантливых генералов, но главное – финансовых и материальных возможностей. Поэтому Берни хотел избежать войны. Он предложил королевскому Совету еще раз потребовать от Англии вернуть захваченные французские корабли (за один месяц 1755 г. англичане захватили 300 французских судов и 8 тыс. человек экипажа), отказаться от статей договора, запрещающего укрепление Дюнкерка, а взамен отдать англичанам остров Минорку. Совет единогласно отклонил предложения Берни.

Помпадур, разумеется, знала о взглядах своего "старого друга", но рассматривала их не как непримиримые, принципиальные разногласия, а только как повод для полезного обмена мнениями по жизненно важным проблемам внешней политики. Поэтому аббат стал главным французским участником переговоров с австрийцами, членом королевского Совета и министром иностранных дел Людовика XV. Берни показал себя опытным дипломатом, способным противостоять как австрийским участникам переговоров, так и внутренней антиавстрийской оппозиции в королевском Совете.

Оппозиция в Совете пересмотру традиционной, существовавшей века внешней политики Франции была сильной и многочисленной. В возможности примирения с Австрией не верили многие министры, но в результате поддержки короля, напряженной "разъяснительной" работы Помпадур и ее сторонников курс на примирение и союзные отношения Франции с Австрией Совет принял. Министры с твердыми антиавстрийскими взглядами были вынуждены уйти в отставку.

⁶⁰ *Boutaric M.E.* Op. cit., t. 1, p. 94.

⁶¹ *Mémoires*, t. 2, p. 149.

⁶² *Mémoires sur le règne de Louis XIV, la Régence et le règne de Louis XV.* Par Duclos, t. 2. Paris, 1854, p. 113.

Учитывая сложность ситуации и напряженность дискуссий, принципиальные изменения в международных отношениях в Европе, Помпадур решила получить личные гарантии безопасности для себя и своих сторонников, принять меры предосторожности. "Эта новая система имела столь большое значение, что мы потребовали содействия Совета и выразили пожелание, чтобы каждое решение по этому делу было подписано королем"⁶³, – писала она.

В 1758 г. послом в Вену был назначен герцог Шуазель. Он твердо и последовательно проводил в жизнь внешнеполитическую программу фаворитки, основой которой являлся франко-австрийский союз.

Франко-австрийские переговоры о союзном договоре были долгими – около двух с половиной лет. Такой фактор, как вероломное поведение Пруссии, искавшей сближения с Англией, вначале не действовал. А это значит, что причины примирения Франции и Австрии лежали в сфере их национальных интересов. Весь начальный этап переговоров проходил под контролем и при участии Помпадур. Через нее в августе 1755 г. Кауниц предложил начать обмен мнениями. В первой встрече 22 сентября 1757 г. участвовали Помпадур, Берни (сверхосторожный аббат попросил дать ему письменные полномочия короля, и за четверть часа требуемый документ был готов) и секретарь австрийского посольства в Париже Штаремберг. Каждый день в обстановке полной секретности Берни и Штаремберг встречались в Люксембургском дворце. Помпадур постоянно держала в поле зрения дискуссии дипломатов, суть которой состояла в том, что австрийцы ставили вопрос о перекройке карты Европы. Их планы были далеко идущими. Казалось, Мария-Терезия готова отдать Франции Голландию или уступить ее нейтральному принцу из семьи Бурбонов – герцогу Пармскому. Польшу предлагали объявить свободной, а ее корону – наследственной. Швеции обещали Померанию. Данию хотели пригласить к участию в австро-французском союзе. Австрийцы считали, что Россия, как и Франция, будет находиться в состоянии фактической, хотя и необъявленной войны с Англией.

Берни считал австрийские предложения чрезмерными и предложил взаимно гарантировать территорию Австрии, Франции и Пруссии. План был одобрен, но после заключения англо-прусского союза в начале 1756 г. Пруссию из гарантийного соглашения исключили. Переговоры затягивались. Помпадур пыталась оказать давление на королевский Совет. Как писал французский дипломат маркиз Валори, "могущественная маркиза Помпадур на заседаниях Совета торопила с заключением договора с Марией-Терезией"⁶⁴. Этот призыв был услышан, как только появились сведения об Уайтхольском договоре. Уже 1 мая 1756 г. Версальский союзный договор между Францией и Австрией был подписан министром иностранных дел Руйе, его будущим преемником аббатом Берни и австрийским послом в Париже Штарембергом.

Версальский договор означал создание антипрусской коалиции в Семилетней войне. Стороны взаимно гарантировали свои владения и обязались оказывать друг другу военную помощь в размере 18 тыс. человек пехоты и 8 тыс. кавалерии или в форме выплаты денежного эквивалента (288 тыс. гульденов ежемесячно). Однако военная помощь была ограничена одной крайне неблагоприятной для французов оговоркой: она не распространялась на уже начавшуюся войну Франции с Англией. Таким образом Версальский договор был для французской стороны неравноправным, что объясняется раболепием Помпадур и, под ее влиянием, Людовика XV перед императрицей Марией-Терезией, добившейся того, что и по второму Версальскому договору (1758 г.) значительную часть военных расходов оплачивала французская сторона. Это – 288 тыс. гульденов ежемесячно в течение всей войны и австрийские субсидии Швеции, присоединившейся к антипрусской коалиции. Для военных действий в Германии Франция обязалась выставить уже не 18 тыс., а 100 тыс. человек.

⁶³ Mémoires, t. 2, p. 150.

⁶⁴ Mémoires des négociations du marquis de Valori, t. 1. Paris, 1820, p. 38.

Результаты союзных Версальских договоров были для Франции тяжелыми. Но Помпадур чувствовала себя победительницей, считая эти документы делом своих рук. По заказу фаворитки на драгоценном камне – агате была выгравирована аллегорическая картина: Франция и Австрия протягивают друг другу руки на алтаре верности и попирают ногами маску Лицемерия и факел Раздора. Искусно сделанная медаль стояла в кабинете фаворитки, и она показывала ее посетителям.

Научная литература по вопросам франко-австрийского примирения и союза многочисленна, и в целом в ней преобладают эмоциональные оценки. Вот что, например, говорится в книге братьев Гонкур о роли Помпадур: "Она несла ответственность перед своими современниками за несчастья этой войны, за жалкие результаты нашего союза с Австрией. В XVIII в. общественное мнение всеми своими голосами, всеми своими перьями обвиняло ее в пролитой крови, в ошибках, заблуждениях, поражениях, в измене, в неспособности людей, так же как и в фатальном развитии событий... Униженная Франция прокляла Помпадур"⁶⁵. Это – набор обвинений в заблуждениях, ошибках, даже преступлениях при отсутствии анализа причин возникновения франко-австрийского союза, стратегии и тактики сторон. Поэтому обратимся к мнению профессиональных дипломатов.

Уже упоминавшийся выше французский дипломат Валори писал: "Версальский договор меня не удивил. Какой бы ни была человеческая осторожность, невозможно предвидеть все последствия. Договор затрагивает только вопросы всеобщего мира, никакого объекта для честолюбия. Вестфальский договор и высшие интересы Франции должны снять у германских князей, как католиков, так и протестантов, опасения быть угнетенными венским двором. Король является и должен оставаться лучшим другом германцев. Интересы короля состоят в том, чтобы не позволить никакому государству господствовать в каком-либо месте, и никогда не следует бояться, что союз с венским двором может привести к угнетению. Но осмелюсь сказать, что если содержание договора можно рассматривать как благоприятное, то это не относится к его форме. Она ошибочная. Помощь 24 тыс. человек солдатами и деньгами должна предоставляться не по выбору истца, а ответчика, так как невозможно представить себе ситуацию, когда королю необходимы 24 тыс. австрийцев, а венский двор в состоянии их оплачивать деньгами по требованию короля. Более того, венский двор исключил оказание помощи в настоящей войне с Англией. Не следует ли и нам исключить в будущем случай войны с турками?"⁶⁶.

Выводы Валори заслуживают внимания. Он констатирует, что курс на союз с Австрией, проводимый королем и Помпадур, не являлся следствием самодурства Людовика и его фаворитки, а был порожден объективными причинами, глубинными переменами в расстановке сил в Европе, реальной возможностью для Франции избежать международной изоляции. По меньшей мере наивно полагать, что один человек – будь то крупный государственный деятель или могущественная фаворитка – может определять политику, от осуществления которой зависят судьбы народов и государств. Проавстрийская партия была влиятельной в Совете короля, среди министров, при дворе. Ее поддерживал Людовик XV. Но и традиционная оппозиция была сильной. Однако Помпадур одержала стратегическую победу – самую выдающуюся и самую трагическую в своей жизни.

Дипломатическая тактика фаворитки и французских дипломатов на переговорах с австрийцами была для Франции пагубной. Кауниц и Штаремберг постоянно переигрывали Помпадур и Берни. В итоге Франция сгибалась под тяжестью войны, ее армия несла огромные потери. Финансы страны были истощены, и – самое главное – в морской войне с Англией, исход которой решал судьбы колониальных империй, Франция

⁶⁵ *Goncourt E. et J. Op. cit., p. 145, 146.*

⁶⁶ *Mémoires des négociations du marquis de Valori, t. 1, p. 316, 317.*

оказалась в одиночестве. Кауниц добился у французов признания австрийского нейтралитета в войне на море.

Тактику Помпадур в переговорах с австрийцами критикует историк и писатель Ш.П. Дюкло в книге "Тайная история царствования Людовика XV". С точки зрения Дюкло, ответственность за разрыв с Пруссией несли французская сторона и лично Помпадур. При первых известиях о столкновениях в Новом Свете английского и французского флотов Фридрих II предложил французам свое содействие. Прусский король был готов ввести в Богемию 100 тыс. солдат. Французская дипломатия отклонила это предложение, сославшись на то, что Франция намерена воевать на море, сохраняя мир на европейском континенте. На самом деле, замечает Дюкло, французскую позицию определяло "тщеславие маркизы Помпадур". Она не могла простить Фридриху II циничных шуток, которые из Потсдама расползались по всей Европе. И тем не менее, личный фактор в политике Помпадур Дюкло считает второстепенным. По его мнению, для заключения договора с Австрией большее значение, чем влияние фаворитки или озлобление короля, имели "очевидные интересы и вопль необходимости. Для Франции, вовлеченной в очень опасную морскую войну с Англией, было абсолютно невозможно остаться на континенте без союзников". Вопреки мнению многих историков, Дюкло считает, что "союз с Австрией для Франции стал условием безопасности, почти существования. Фридрих II не оставил ей другого выбора"⁶⁷.

Таким образом, критикуя Помпадур за ее тактику в ходе переговоров с австрийцами и особенно за ее политику в отношении Пруссии, Дюкло вместе с тем считал, что союз с Австрией в условиях Семилетней войны отвечал национальным интересам Франции, хотя действительность его была ограничена многочисленными, как правило, некомпенсированными со стороны Австрии уступками французской стороны.

М. Бутарик называет австро-французские переговоры 1756 г. о союзном договоре "дипломатической революцией"⁶⁸. Это справедливая оценка. Французская дипломатия порвала со своей исторически сложившейся, традиционной политикой в Европе и встала на путь союза с вековым врагом – Австрией. Поворот во внешней политике Франции был крутым (хотя и долго готовившимся), а переговоры – сверхсекретными. В государственном архиве от них не осталось никаких следов.

На протяжении Семилетней войны проблемы войны и мира, франко-австрийского сотрудничества, участия французской армии в боевых действиях были неотъемлемой частью жизни Помпадур. Она понимала, что поражение Франции может положить конец ее собственной деятельности и грозит изгнанием из Версаля к радости общественного мнения. Против Помпадур, за мир, за то, чтобы король возглавил армию, выступал Берни, которого она "вытащила из грязи". От аббата, поддерживаемого дофином, фаворитка "решила освободиться"⁶⁹.

В начале 1758 г. аббат-министр окончательно пришел к выводу, что Франции необходимо как можно скорее закончить войну. Берни говорил об этом Помпадур уже после поражения французов при Росбахе, ссылаясь на огромные финансовые трудности, отсутствие дисциплины в войсках. У Франции, считал он, нет настоящих полководцев. Однако на море французский флот не проиграл войну, и этим следовало воспользоваться, иначе англичане окончательно лишат Францию всех ее колоний. Король, ознакомившись с позицией своего министра иностранных дел, поручил ему изучить возможности заключения мира.

Берни излагал свои взгляды и в письмах послу в Вене Шуазелю. Излагал прямо, откровенно и даже грубовато. Его аргументы: французские генералы бездарны и умеют только ссориться друг с другом; "наша система трещит по всем швам", флот в упадке;

⁶⁷ Цит. по: *Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques*. Par le duc de Broglie. 1752–1774, t. 1. Paris, 1879, p. 112–114, 143, 144.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 112.

⁶⁹ *Mémoires*, t. 2, p. 275.

управление потеряно, торговля подорвана; денег нет; правительство беспомощно; на кораблях не хватает матросов; Франции угрожает потеря всех ее колоний; Франция в тяжелом состоянии, она вступила в последнюю стадию упадка. Удивительно, но Берни не скрывал от Шуазеля и своего мнения о Помпадур: "Судьба ее ужасна. Париж ее ненавидит и обвиняет во всем"⁷⁰. А ведь маркиза была в курсе переписки аббата с послом в Вене. Она получала информацию как от самого Шуазеля, так и от верных ей почтовых чиновников.

Конфликт Помпадур с Берни разгорался, и не только по вопросам военных операций, войны и мира, но и по другим проблемам, затрагивавшим интересы фаворитки. Так, Берни упорно атаковал братьев Пари, в руках которых находилось снабжение армии продовольствием. Они хищнически наживались на казенных поставках, а Помпадур покрывала мошенников. Слишком тесные финансовые узы связывали ее с Дюверне и Монмартелем. Пользуясь ее покровительством, братья банкиры и австрийцам деньги выплачивали не полностью.

А Берни все больше накалял обстановку. Он предложил назначить министром флота Морепа – личного врага Помпадур. Кандидатура была, разумеется, отвергнута. Даже родственника Морепа – герцога Ниверне – злопамятная фаворитка не пустила в правительство. Командующим флотом король назначил лейтенанта полиции Берье, в делах морских ничего не понимавшего, но Помпадур абсолютно преданного. Это был прямой вызов Берни, по словам которого, лейтенант полиции нанес ему "больше вреда, чем весь двор, вместе взятый". Полиция в свою очередь обиды тоже не простила: она установила слежку за Берни, членами его семьи и друзьями.

Берни явно переоценивал свои силы в борьбе с маркизой. Правда, у него был свой план действий. Он считал, что если станет кардиналом – "кузеном короля", то займет первое место в королевском Совете и тогда у него, а не у Помпадур будут заседать министры. Берни рассчитывал на поддержку Шуазеля, которого рекомендовал на пост министра иностранных дел, но опытный и ловкий интриган Шуазель считал святыми только свои собственные интересы, а они находились в прямой зависимости от Помпадур.

Поражение Берни в противостоянии с фавориткой было неизбежным. Он это понял и подал королю прошение об отставке по болезни. Но король не торопился. Он ценил Берни за его посредничество в конфликте с парламентом и духовенством, за смелость в оценках хода войны и ее перспектив. Однако Помпадур настаивала на отставке своего же ставленника, и Людовик, как всегда, сдался. 9 октября 1758 г. отставка Берни была принята, а министром иностранных дел стал Шуазель. Словно по заранее согласованному плану, на следующий день курьер из Ватикана привез Берни кардинальскую шапку. Его мечта осуществилась, но будущее не улыбалось новому кардиналу. Он переехал в район Суассона, где вел скромный образ жизни. Богатства Берни так и не нажил. Расставшись с постами министра иностранных дел и государственного советника, он потерял большую зарплату – 113 тыс. ливров. Доходы от трех его аббатств были невелики, и дефицит бюджета кардинала составлял не менее 50 тыс. ливров. На помощь фаворитки экс-министр рассчитывать уже не мог: отношения с ней были испорчены. Пришлось влезть в долги. И у кого же он взял займы крупную сумму в 300 тыс. ливров? У человека, которого сам обвинял в мошенничестве, – у банкира Пари-Монмартеля.

Новоиспеченный кардинал, рассчитывая на поддержку Шуазеля, льстиво писал ему: "Только Вы можете, управляя де Помпадур, направлять короля"⁷¹. Берни ошибался, считая, что новому министру иностранных дел понадобятся его советы. Шуазель всегда вел только собственную игру и никогда чужую. Кардинал просчитался, надеясь с помощью Шуазеля сохранить свое тайное влияние при дворе.

⁷⁰ *Герцог де Кастри*. Указ. соч., с. 272–275.

⁷¹ Там же, с. 283.

Церковь не отвергла Берни. После смерти Помпадур он стал архиепископом в Альби, а затем вернулся к дипломатической деятельности и в 1768 г. был назначен послом в Ватикане. Но состояния Берни так и не нашёл. В 1794 г., во время Французской революции, он умер в Риме в полной нищете.

Помпадур не только активно вмешивалась в дела дипломатии, но и оказывала влияние на военную политику. Ни одно более или менее значительное назначение в действующей армии не проходило без ее участия даже в тех случаях, когда затрагивались интересы коронованных особ. Императрица Мария-Терезия хотела, чтобы во главе войск встал принц Конти. У него была репутация талантливого военачальника, и Людовик XV обещал принцу этот высокий пост. Но личная враждебность Помпадур помешала назначению Конти, за спиной которого стояла партия двора во главе с дофином. Фаворитка вела вероломную и жестокую борьбу за назначение нужных ей генералов на высокие командные должности в действующей армии. Так она добилась, например, чтобы принц Субиз получил жезл маршала Франции.

Судьба принца Субиза, представителя одной из известнейших аристократических семей Франции, имевших родственные связи с царствующими домами Европы, постоянно вызывала у маркизы совершенно необычный и трудно объяснимый интерес. С такой постоянной и трогательной заботой мать относится к своему ребенку, любовница – к любимому мужчине. Первое предположение, естественно, отпадает, второе не подтверждается никакими источниками. Но факт остается фактом: вопреки всему, ломая сопротивление с разных сторон – от королевского двора до генералитета, – Помпадур сделала Субиза маршалом Франции.

Ситуация благоприятствовала планам фаворитки. В начале 1751 г. внезапно скончался маршал Бель-Иль. Военное ведомство возглавил Шуазель. Идя навстречу пожеланиям Помпадур, он принял авантюрное решение. Армия маршала де Броя была разделена на два корпуса, и один из них перешел под командование Субиза. Его войска сражались на Рейне и в Вестфалии. Каждый командующий действовал самостоятельно, на свой страх и риск. С точки зрения военной, это решение Шуазеля было ошибочным. Между военачальниками разгорелся конфликт. Субиз обвинил де Броя в том, что он атаковал неприятеля слишком рано, а де Брой считал, что Субиз вообще не нападал. Решила спор Помпадур, с согласия короля оправдавшая Субиза. Маршал де Брой был отправлен в отставку, а Субиз получил звание маршала Франции. За маршальским жезлом в Версаль идол Помпадур не ездил, жезл привезли ему в Германию.

Считалось, что Субиз – человек честный, но бесталанный, неспособный командовать армией. Действительно, в битве при Росбахе 5 ноября 1757 г. французские войска под его командованием потерпели жесточайшее поражение. В бою погибло 10 тыс. французов, а потери пруссаков составили 500 человек. Это был подлинный разгром войска Субиза. Сигнал к критике подала супруга дофина, заявив, что Помпадур следовало бы вмешиваться в назначения генеральных откупщиков, а не генералов. Общественное мнение негодовало, фаворитку обвиняли во всех смертных грехах.

Помимо назначений на военные посты, Помпадур занималась также вопросами планирования и осуществления крупных военных операций в Германии. Она была в курсе военных действий, располагала картами, информацией, которую получала от приезжавших с театра военных действий офицеров. Король нередко сам направлял их к ней. Пренебрегать этими визитами к Помпадур было опасно. Так, маршал д'Эстра, открыто игнорировавший Помпадур, вынужден был уйти в отставку. В ее письмах имелись ссылки на решения королевского Совета и замечания короля, что придавало этим документам официальный характер.

Вот несколько выдержек из писем Помпадур маршалу Клермону, принципу крови, потомку великого Конде, командующему французскими войсками в Германии. Когда на Рейне сложилась тяжелая для Франции ситуация, грозящая серьезными политическими последствиями, Помпадур писала Клермону 23 мая 1758 г.: "Очень важно, чтобы Вы быстро подготовили план кампании, который предложите, так как придется осуществить огромное количество предосторожностей, для чего необходимо время, а

его остается немного". Помпадур даже решила направить в армию своего человека – Пари-Дюверне. Но необходимость этой поездки отпала: Клермон не успел осуществить свой план, войска Ганновера перешли Рейн. Помпадур гневно отреагировала на это сообщение в письме Клермону 5 июня 1758 г.: "Какое унижение позволить высадиться шести тысячам человек и дать им возможность построить мост через Рейн!"⁷². Маркиза с тревогой следила за продвижением ганноверцев. В ее письме Клермону от 10 июня 1758 г. говорилось: "Как и Вы, я думаю, что враги хотят, переправившись через Мозель, заставить выступить Голландию. Я горячо желаю, чтобы они Вас дождались. Есть ли что-либо, на что неспособны французы с таким шефом, как Вы!"⁷³.

Клермон потерял Ганновер, что, по словам Помпадур, привело венский двор в состояние полного отчаяния. Она посылала Клермону письмо за письмом, где писала, что поражения его войск могут привести к вступлению в войну Голландии, что Мария-Терезия лишится трона, Франция останется одна перед лицом Англии и Пруссии, а "возможно, и многих других". Клермон осмелился выразить маркизе свое недовольство ее указаниями. Вот один из его ответов: "Сударыня, предоставьте мне действовать самому, а не упреждайте задолго идеями или, по меньшей мере, сообщайте мне о них, прежде чем отдавать приказы, иначе все дело пойдет крахом. Манера двора руководить военными действиями стара и дурна. Это стесняет полководца, находящегося на месте, сведущего в своем ремесле и знакомого с политическими целями"⁷⁴.

Такой ответ был непростительной ошибкой Клермона, он явно потерял чувство реальности. Помпадур не оставляла безнаказанными подобные вольности. К тому же Клермон допустил и другую бестактность: он запросил письменный приказ короля на наступление французов в Германии. Ответ Помпадур был беспощадно вежлив: "Признаюсь, граф, письмо, которое я от Вас получила, меня смутило. Маршал Бель-Иль никогда не желал ничего иного, кроме как видеть Вас сражающимся и изгоняющим врагов. Все его письма были зачитаны на Совете, так как он считал приказ о сражении слишком важным, чтобы посылать его без ведома короля. Согласно известным мне фактам, я не знаю более ничего о том, что Вы мне сообщаете. Король желает, чтобы Вы изгнали врагов, но в то же время Его Величество не может сделать ничего лучшего, чем положиться на Вашу осмотрительность. Таково, граф, истинное положение дел"⁷⁵.

Итак, положение французской армии в Германии было настолько плачевным, что король Франции и его фаворитка не хотели брать на себя ответственность за новое возможное поражение. Правда, чрезмерная осторожность уже была излишней: письмо Помпадур было написано тогда, когда французы потерпели очередную неудачу. Отставка Клермона была предreshена.

Помпадур занималась и финансированием войны. Необходимость в деньгах на содержание армии и флота была острейшей, а королевская казна часто оказывалась пустой. Фаворитка искала средства и находила их. У придворного банкира Божона она, например, получила заем в 1 млн. ливров. Даже старый и преданный друг маркизы Пари-Монмартель вызывал ее недовольство тем, что не служил королю так, как "может и должен служить по тысяче причин". Тем не менее именно банкирам Пари фаворитка доверила снабжение армии продовольствием и фуражом, хотя их деятельность вызывала недовольство военачальников и министров, обвинявших друзей Помпадур в воровстве и мошенничестве.

Постоянное внимание уделяла Помпадур и флоту. Она участвовала в снаряжении ряда французских военных кораблей: "Людовик любимый", "Маршал Ришелье",

⁷² Ludovic M. Op. cit., p. 272.

⁷³ Ibid., p. 273.

⁷⁴ Герцог де Кастри. Указ. соч., с. 265.

⁷⁵ Ludovic M. Op. cit., p. 273.

"д'Эгильон", "Машо", "Граф д'Аржансон". Но покровительство фаворитки не принесло удачи французскому флоту. За один только год Франция потеряла 29 кораблей и 34 фрегата.

В начале Семилетней войны начала работать Военная школа, в создании которой Помпадур принимала самое деятельное участие. Проект этой школы еще в 1718 г. представил герцогу Орлеанскому старший из братьев Пари. Возникли финансовые трудности, и строительство отложили. Прошло несколько лет, и в 1725 г. Пари-Дюверне представил записку о расходах на Военную школу: 5 млн. ливров на строительство и 2,2 млн. на содержание персонала. Проект опять заморозили. В 1749 г. за дело взялась Помпадур. Она руководила разработкой концепции военного образования в новом учебном заведении. Предусматривался прием 500 детей из дворянских семей в возрасте от 8 до 10 лет, при этом требовалось дворянство не менее чем в четырех поколениях по отцовской линии. Предпочтение отдавалось сыновьям убитых или умерших от ран офицеров. Обязательное условие для поступающих – умение читать и писать. Предполагалось, что в школе будет 500 отдельных комнат для кадетов и 40 квартир для воспитателей, интендантов, учителей.

Эдикт о создании Военной школы Людовик XV подписал 13 января 1751 г. Несмотря на усилия архитектора Габриэля, строительство шло медленно. Казна не давала денег. Неоднократно вставал вопрос о прекращении строительных работ, но у фаворитки с этим проектом были связаны далеко идущие планы. 15 августа 1755 г. она писала Пари-Дюверне: "Я не позволю погибнуть учреждению, которое должно обессмертить короля, сделать счастливым его дворянство, показать грядущим поколениям мою преданность государству и Его Величеству"⁷⁶. Деньги король все-таки дал. 18 июля 1756 г. в Военную школу поступили первые ученики.

* * *

Неизбежность поражения Франции в Семилетней войне с каждым годом становилась все более очевидной. Начались мирные переговоры, их вел в Лондоне герцог Ниверне. Помпадур словно родилась заново: она торопила герцога, писала ему в сентябре 1762 г.: "Не говорите мне о Вашей усталости, позже Вы отдохнете. Господи, кончайте же наконец"⁷⁷. От идеи войны до победного конца не осталось и следа, тяжелая болезнь Помпадура и нервное напряжение военных лет сделали свое разрушительное дело.

Парижский мирный договор между Великобританией, с одной стороны, Францией и Испанией – с другой, был подписан в Версале 10 ноября 1763 г., завершив наряду с Губертусбургским договором Семилетнюю войну 1756–1763 гг. Договор закрепил победу Англии над Францией на море и в колониях. Французская колониальная империя оказалась на краю полного распада. Англия получила в Северной Америке Канаду, остров Кейп-Бретон и земли к востоку от реки Миссисипи (Восточная Луизиана), кроме Нового Орлеана; в Вест-Индии – острова Доминика, Сент-Винсент, Гренада и Тобаго; в Африке – почти всю территорию Сенегала; в Индии – все французские владения, кроме 5 городов. К Англии вернулся остров Менорка, от Испании она получила Флориду. В компенсацию за огромные потери французам отдали острова Сен-Пьер и Микелон. Большое значение для европейских международных отношений имело подтверждение в Парижском договоре всех договоров, заключенных в Европе после Вестфальского мира.

Реакция Помпадура на Парижский договор была болезненной и агрессивной. Она писала Шуазелю, что договор с Англией "унизил короля" и французскую монархию, что следовало отвоевать у Англии звание короля Франции со шпагой в руке, узурпи-

⁷⁶ Ibid., p. 110.

⁷⁷ Le journal, p. 324.

рованное английским королем, и, "если будет нужно, отправиться на этот остров, населенный царубийцами, чтобы отомстить за честь и независимость короны и вынудить Англию и ее короля уважать короля Франции"⁷⁸. Фаворитка напоминала Шуазелю, что "кровь дома Бурбонов – августейшая кровь", а у английских королей – она "низкая и варварская. Из всех народов английский самый жестокий". Вместе с тем Помпадур отмечала, что Парижский договор "ни счастливый, ни добрый... его нужно было заключить. Мы еще сохранили нашу прекрасную империю. Впрочем, король убежден, что английский король не сохранит своих позиций в Америке. Это будет наш реванш, и уже приняты меры, чтобы к этому времени иметь мощный флот, которого нам недоставало"⁷⁹.

Подчеркнутый оптимизм этих слов явно не соответствовал обстановке. Объяснение простое – это письмо Помпадур было адресовано Берни, противнику курса на войну до победного конца. Помпадур поступила с ним жестоко, несправедливо, она это знала и своим письмом словно признавала правоту Берни в его оценках исхода войны.

После окончания Семилетней войны у Помпадур осталось всего несколько месяцев жизни. Она тяжело болела и умерла в муках 15 апреля 1764 г.

Из окон дворца Людовик XV смотрел на карету, увозившую брненное тело его любовницы и советчицы. Душой король уже отошел от маркизы. Она так долго была рядом, что он устал от ее присутствия. У Людовика не хватало мужества и воли, чтобы расстаться с Помпадур, так как он знал, что нанесет ей смертельный удар. Но он не мог простить фаворитке то, что в значительной мере из-за нее стал презираемым королем.

При дворе старались забыть о Помпадур как можно быстрее. "Здесь даже не возникает вопроса о той, которой больше нет, как будто она никогда не существовала. Таков мир: он не стоит любви", – эти слова принадлежат королеве Франции. Она не унизила себя презрением к бывшей сопернице.

Жанну де Помпадур похоронили рядом с матерью и дочерью в церкви капуцинов на Вандомской площади, где она когда-то купила семейный склеп. Священник в своей речи над ее гробом, казалось, совсем забыл о покойнице и минут пятнадцать говорил о достоинствах царствующей королевы. Устами аббата королевская семья и церковь в последний раз свели счеты с ушедшей в небытие великой грешницей.

⁷⁸ Mémoires, t. 2, p. 315.

⁷⁹ *Levren J.* Op. cit., p. 327.